

Об интересе к географии, эвакуации, студенческих практиках и распределении в Якутию

<http://oralhistory.ru/talks/orh-1956>

🗣️ 12 февраля 2016

Собеседник

Файбусович Эрнест Львович

Ведущий

Герасименко Татьяна Ильинична

Дата записи

Беседа записана 12 февраля 2016 и опубликована 15 сентября 2017.

Введение

В первой беседе географ Эрнест Файбусович рассказывает о детстве и юности — о путешествиях с родителями, эвакуации из Ленинграда, знакомстве с деревенским бытом, жизни в Сибири, на Урале и в Крыму, студенческих практиках и работе в Якутии. Эрнест Львович размышляет о влиянии окружающей действительности и политических событий на интерес детей к географии.

О педагогической работе и публикациях

Татьяна Ильинична Герасименко: Эрнест Львович, сначала представьтесь, пожалуйста, расскажите, кто вы, где вы работаете. Какая у вас научная степень и все такое. Расскажите немного о себе.

Эрнест Львович Файбусович: Чисто формально в настоящее время я занимаю должность профессора кафедры региональной экономики и природопользования, одной из старейших кафедр экономико-географического профиля в нашем городе, и являюсь там профессором. У меня ограниченное количество курсов сейчас, потому что в связи с семейными обстоятельствами я работаю на половину ставки, и меня стараются не очень загружать дисциплинами. На предстоящий 2017–2018 учебный год меня переводят на четверть ставки.

Т.Г.: А ваш университет сейчас как называется?

Э.Ф.: Санкт-Петербургский государственный экономический университет.

Т.Г.: После реорганизации.

Э.Ф.: То есть это результат объединения нескольких вузов родственного профиля. Страшно громоздкое теперь сооружение такое. Но наша кафедра фигурирует на гуманитарном факультете и хорошо там выглядит на фоне других кафедр благодаря тому, что у нас очень уважаемый заведующий кафедрой — Владимир Михайлович Разумовский, вице-президент Русского географического общества. Это дает ей определенный вес среди других кафедр нашего университета. Работаю я здесь с осени 82-го года, то есть вот уже значительно больше тридцати лет, и все время на одной кафедре. Начинал я там еще доцентом, а после защиты докторской диссертации в 97-м году стал профессором этой кафедры.

Я вообще однолюб, так сказать. В принципе, я работал всего в трех местах. Я работал по распределению после окончания педагогического института три года в 9-й средней школе Якутска с 54-го по 57-й год. Затем я проработал двадцать два года в Саратовском государственном университете имени Чернышевского, на одной кафедре — экономической географии — все двадцать два года. Пришел туда еще без степени старшим преподавателем, ушел оттуда кандидатом географических наук и доцентом. И вот после этого тогда в Финансово-экономическом институте, превратившемся в университет с нынешним названием. То есть почти не менял место работы.

Т.Г.: Эрнест Львович, вы автор такого огромного количества научных работ, учебников, которые много раз переиздавались, по ним учились много поколений и школьников, и студентов. И до сих пор эти учебники функционируют, их очень ценят, уважают. Также многие знают ваши работы, ваши публикации, вы очень цитируемый в науке человек. Мне кажется, интересно было бы всем услышать о том, как состоялся ваш путь в географию.

Э.Ф.: О пути в географию я расскажу, а прежде всего хотел сказать следующее. Я все-таки по образованию педагог. Я закончил педагогический институт. Когда поступал в этот институт, он носил имя известного историка Покровского. Потом его лишили этого имени, и заканчивал я просто Ленинградский государственный педагогический институт, так он назывался, без имени. Тем не менее этот институт дал очень хорошее именно педагогическое образование. Потому что я там учился у совершенно замечательных педагогов. У таких, как Анатолий Викторович Даринский, очень широко известный в нашей стране методист. И у блестящих, на мой взгляд, географов. И вот эта закалка дала мне очень много. И я так и остался, в общем, педагогом. Я никогда не работал ни в каких заведениях практического профиля, а все время занимался педагогической работой. И мне кажется, именно это обеспечило популярность моих произведений. Дело в том, что не только в педагогических собственно работах, учебниках, пособиях — там понятен педагогический элемент, — но и в научных статьях я пишу таким же понятным, доступным человеческим языком. И именно это делает работы читаемыми и уважаемыми. Потому что, по моему мнению, многие современные авторы пишут таким языком, что просто трудно понять, что они хотят сказать (*усмехается*).

Т.Г.: Возможно, они и сами не очень понимают (*смеется*).

Э.Ф.: Кстати, когда идет цитирование, то цитируют больше всего — я проверял по РИНЦу — именно учебники. Потому что любой аспирант, любой начинающий человек, ему трудно понять содержание больших статей. А когда он смотрит то, что адаптировано для понимания студентов, это гораздо лучше воспринимается. Я специально проверял — очень много ссылок именно на учебники. Казалось бы, это плохо для того, кто цитирует: мог бы прочитать и более серьезные труды. С другой стороны, это повышает значение наших учебников. Если учебник не компилятивный, а сделан с душой, на высоком уровне, то его именно и цитируют — больше, чем отдельные какие-то статьи.

О предках и их жизни вне черты оседлости

Значит, как я стал географом, при каких обстоятельствах. В отличие от вузов, которые я не менял, или вообще учебных заведений, которые я менял мало, как раз места жительства я менял в силу обстоятельств очень много раз. Не знаю, стоит ли об этом говорить?

Т.Г.: Конечно, стоит.

Э.Ф.: Недавно с меня потребовали справку об отсутствии судимости.

Т.Г.: Со всех, со всех...

Э.Ф. (смеется): Когда я обратился в центр, где делают справки, то администратор расхохоталась от души, увидев старика восьмидесятилетнего, который должен доказывать, что он не верблюд. Но тем не менее заказали мне этот документ. Так вот там меня спрашивали: «А где вы жили? Потому что вы родились в Ленинграде, и сейчас вы в Петербурге. А может быть вы еще где-то жили?» Я говорю: «Да, я в таком количестве мест жил, что вряд ли вам удастся всё проверить, и где я еще был». На самом деле я, уже будучи взрослым, жил в Симферополе, в Ленинграде, в Якутске, в Саратове. Но это как раз и способствовало росту моего интереса к географии.

Родился я в городе, который тогда носил название Ленинград. Это был 1933 год. Но я могу уже считать себя потомственным петербуржцем, потому что моя мама тоже родилась в нашем городе. Дело в том, что ее отец был очень крупным, будем говорить, специалистом, он был прекрасным типографским работником. Это была очень высокооплачиваемая работа, и она давала право жительства в столицах. И вот поэтому он жил и работал в Петербурге. А родился он там же, где предки Бориса Борисовича Родомана, в Ромнах (как это ни странно). Ромны тогда были городом Полтавской губернии, а сейчас они оказались в Сумской области. И сохранился архив. Этот архив мы с племянником моим запросили, и там дали сведения и о бабушкиной матери, и о дедушке. Его звали Яков Ляховицкий. Он вот, я говорю, был таким квалифицированным рабочим. Даже есть в документе: «Родился такой-то», — и казенный равнин написал (это так было принято для мальчиков) не день рождения, а день обрезания. Вот этот документ, у нас копия хранится.

Т.Г.: А ведь ваша сестра носит фамилию Ляховицкая.

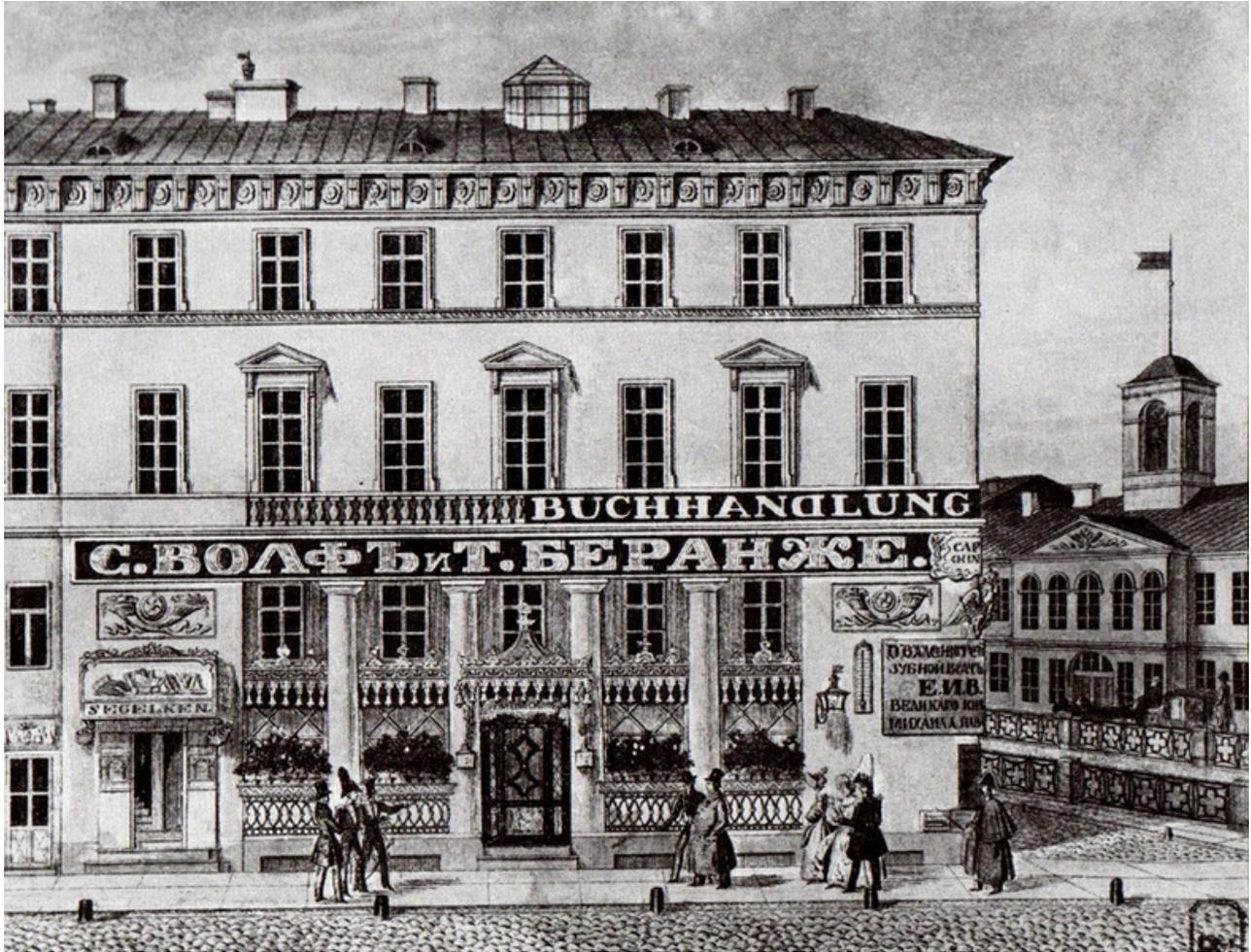
Э.Ф.: Да-да-да. Это материнская фамилия. Обе мои сестры Ляховицкие. Они, значит, в честь дедушки названы. Дедушка был очень высоко, хорошо обеспеченный человек. У него было пятеро детей, неработающая жена и, как мне известно, даже домработница. На это нужно было зарабатывать. Я смотрел его месячную зарплату тех времен — сто двадцать рублей. Не всякий офицер царской армии получал такую. Имел хорошую квартиру и воспитал очень хороших детей. Двух сыновей и трех дочерей. Но одна дочь умерла от тифа во время Гражданской войны, младшенькая. Все остальные выжили и прожили довольно длинную жизнь.

Что касается отцовской линии, то они как раз носили фамилию Файбусович, они были выходцами, видимо, из Белоруссии, как и предки по материнской линии, потому что Ляховичи — это как раз населенный пункт Белоруссии, около Барановичей. А потом дедушка был тоже очень высококвалифицированный работник, он был мыловар. У нас сохранилась великолепная бумага, где рассказано, что ему присвоена

квалификация мыловара. Поэтому он тоже имел право работать, если его нанимали на работу, вне черты оседлости. И мой отец родился в Воронеже. В 1907-м году он родился в Воронеже, где тогда был мыловаренный завод, на котором работал мой дедушка. Один мой коллега-географ в Воронеже нашел место, где этот завод существовал когда-то. Сейчас его, конечно, там нет. И вот дед был нанят туда и руководил этим мыловаренным делом. Но поскольку он расстался с этим предприятием, то семья вынуждена была вернуться в черту оседлости, и дальше отец мой рос в Гомеле и закончил там школу.

Получилось так, что оба моих деда оказались людьми, как бы мы сказали теперь, занимающимися малым бизнесом. Один дедушка как раз в 17-м году приобрел на паях типографию и стал таким уже как бы буржуем (*смеется*). А другой дедушка, который был в Гомеле, имел мыловаренный завод. Он сам один на нем и работал. Сам заготавливал сырье, сам производил хозяйственное мыло. А бабушка сидела в лавке и продавала это мыло населению Гомеля. Говорят, было очень хорошее хозяйственное мыло. Так вот они оба оказались как бы буржуазными. Поэтому и отцу, и маме приходилось заниматься зарабатыванием себе пролетарского происхождения. Отец мой работал в Москве на рабочих должностях. Потом даже добывал нефть в Грозном. И только потом сдавал экзамен, между прочим, Вышинскому в университете в Москве. Но там его не взяли. Точнее говоря, он уехал, подозревая, что его не примут из-за непролетарского происхождения. А потом он поступил в юридический вот здесь, в Ленинграде. А мама тоже зарабатывала пролетарское происхождение в булочной нэпмана Трипольского. Булочная находилась в том доме на Невском, где сейчас Литературное кафе*. Вот мама там какое-то время торговала булочками и тоже заработала пролетарское происхождение. После чего они оказались в одной группе в юридическом институте. И тогда сыграла очень большую роль тогдашняя тенденция к реформам образования. Ведь Ленин, а за ним Крупская говорили, что старая школа — это школа учебы, в плохом смысле, школа зубрежки, что надо искать какие-то другие варианты.

* В доме №18 по Невскому проспекту с конца XVIII века находилась знаменитая кондитерская Вольфа и Беранже. В 1834 году кондитерская была переделана в кафе в китайском стиле. Кафе посещали А.С. Пушкин, М.Ю. Лермонтов, Н.Г. Чернышевский, Т.Г. Шевченко, Ф.М. Достоевский и другие. После революции дом №18 был национализирован. Большую его часть заняли коммунальные квартиры, но в 1920-е годы продолжили работу издательство Ленинградского губпросвета, булочная-кондитерская, прачечная-красильная. В 1985 году на месте заведения Вольфа и Беранже было создано Литературное кафе.

Неизвестный художник. Кондитерская С. Вольфа и Т. Беранже на углу Невского проспекта и набережной Мойки. 1830-е годы. Источник фото: www.walkspb.ru

Фасад дома 18 по Невскому проспекту. Санкт-Петербург, до 1914 года. Автор фото К.К. Булла. Источник фото: www.walkspb.ru

О родителях и коллективизации

Т.Г.: Это были какие годы, Эрнест Львович?

Э.Ф.: Это были 20-е годы. Отец мой 7-го года рождения, мама 8-го года. Они после окончания школы побродили немножко, а потом, стали учиться в вузе. Тогда был бригадный метод. И мама моя рассказывала, что было очень хорошо. Потому что Лев Янкелевич — он так себя называл: будучи юристом, он точно воспроизводил имя отца. Не Яков, как в быту говорилось, а именно Янкель. Вот, он был Лев Янкелевич. Так вот этот Лев Янкелевич был на голову сильнее всех, он был очень способный. А это небольшая там бригада. Он делал все для всех, и все получали очень хорошие оценки.

Т.Г.: Это то, что называли «педология», да?

Э.Ф.: Нет, это бригадный метод, это не педология. Это бригадный метод такой применялся. Поэтому, с одной стороны, это обеспечивало очень высокие оценки для их обучения, моей мамы тоже. С другой стороны, возникли...

Т.Г.: Неформальные связи.

Э.Ф.: Чувства. И таким образом это определило мое рождение. Правда, они после окончания института разъехались в разные места. Они были посланы далеко от Ленинграда. Мама моя работала в тогдашней Западной области, в городе Старица, теперь Тверской области. А отца отослали вообще совсем очень далеко на Алтай, в Пospelиху. Пospelиха — это был районный центр. Потом получилось так, что они все-таки вернулись в Ленинград. Они попали в самое страшное время — коллективизации. И получилось так, что мама вынуждена была заниматься бесконечными разборками. Потому что люди вступали, их загоняли в колхоз, а потом они писали заявление, что выходят из колхоза. Все это расследовалось юристами,

следователями.

И мама моя не выдержала это и написала записку, что «я не могу работать в сельской местности, потому что я горожанка и не могу отличить рожь от овса». После этого долго ходили такие рассказы в Смоленске, тогда уже стала Смоленская область, что одна молодая женщина-юрист не смогла отличить горох от картошки.

Она убежала в Ленинград. Ее даже судили. Но отнеслись, в общем, благосклонно, просто без права занимать какие-то начальственные должности.

С отцом было сложнее. Там — в Сибири — проводилась очень тяжелая коллективизация, туда сам Иосиф Виссарионович ездил. А сибирские крестьяне были люди очень свободные. Один из них сказал: «Ты попляши, вот тогда я, может быть, вступлю в колхоз». После этого там очень жестоко проводилась эта работа. И по рассказам отца... Все эти рассказы я слышал, он долго и тяжело умирал вот уже в 92-м году, и мы с сестрой по очереди сидели с ним ночами. Днем мы работали, естественно. И он, обладая великолепной памятью, — у меня наследственная память — рассказывал о всей своей очень разнообразной, такой интересной жизни. Один из сюжетов был такой, что он же юрист самый настоящий, а тогда проводилось раскулачивание, и он должен был давать санкцию на высылку. Но для этого нужен был документ, подтверждающий, что действительно человек является кулаком. Считалось так, что если эксплуатировал чужой труд, батраков имел, значит он кулак. Тогда отец вынужден был — закон есть закон — подписывать санкцию на высылку. Но привозили часто тех, с кем сводили счета, и привозили бог знает кого. Отец говорил: «Где документ? Нет документов. Езжайте обратно, я не имею право этого человека выслать». Но как можно не выполнять партийное указание? Значит, местные власти сразу же заволновались, что сидит какой-то молодой следователь-юрист и своей властью отправляет людей обратно. И придаться к нему нельзя, потому что действительно документов нет.

Т.Г.: В рамках закона, да.

Э.Ф.: Они тогда обратились сюда в Ленинград и выяснили, что отец в армии не служил, и попросили через военкомат его выгнать из Сибири. Его забрали и отправили уже в какую-то авиационную часть, по-моему, где-то под Витебском, Городок — есть такой небольшой город. Вот туда приехала к нему моя мама, тоже бросившая этот фронт работ, и они поженились 1 мая 32-го года. Потом они уже были в Смоленске, и вот в 33-м году родился я. Мама моя все время до войны и во время войны так и работала в Воронеже юристом. А потом, когда уже после войны соединились, то мама уже больше, как правило, не работала, поскольку нас было двое (я и сестра), потом родилась младшая сестра — третий ребенок в семье.

Отец мой был военным юристом. Сначала был просто юристом в Ленинграде, а потом, во время Зимней войны* в январе 40-го года был призван в армию и с тех пор остался в армии, в кадровой армии. Он прошел все фронты от Мурманска и до 2-го Украинского фронта, закончил войну в Словакии около Братиславы. Потом он долго служил в Симферополе, именно поэтому я жил с ним в Симферополе и закончил там школу, 7-ю мужскую школу в 1950 году. А отец в 51-м году был отправлен на Сахалин и работал на Сахалине, после в Уссурийске. Потом при хрущевской реформе многих демобилизовали, и он вернулся в Ленинград и дальше уже здесь работал в Ленинграде в разных учреждениях почти до восьмидесяти лет. Даже ему больше восьмидесяти лет было, когда он оставил работу. Был замечательный юрист.

* Советско-финская война 1939–1940 годов.

Т.Г.: Эрнест Львович, можно я задам вопрос, который меня мучит? Скажите, пожалуйста, почему — это была такая традиция, или это только в вашей семье, — вы все-таки с сестрами имеете разные фамилии?

Э.Ф.: Ну, это интимный вопрос. Я действительно унаследовал фамилию отца. Между прочим, несмотря на то что у моего сына была русская мама, и моя мама говорила, что «давай на всякий случай, пусть он будет Шишканов», мой сын отказался: «Я слишком уважаю своего дедушку, чтобы менять его фамилию». И свою фамилию сохранил до сих пор, будучи по паспорту русским. По матери он русский. Вот так. А что касается моих сестер, то так сложились их семейные отношения, что у них появились дети внебрачные, и им хотелось показать, что они все-таки поменяли фамилию. И они взяли фамилию матери. Тем более, честно говоря, моя фамилия не самая красивая. В свое время покойный теперь Евгений Ефимович Лейзерович говорил... Как-то мы с ним шли от Юрия Дмитриевича Дмитриевского, кстати, здесь в гостях у него были. И я говорю: «Вот моя фамилия Файбусович». Он: «Ну что же хорошего в фамилии Файбусович, Лейзерович...» (*смеются*). Ему самому тоже не нравилась. Значит, вот этим определяется фамилия моих сестер. И мои племянники унаследовали фамилию материнскую тоже. Вот поэтому. А мой сын — Файбусович. Но, к сожалению, на этом кончается фамилия, потому что у сына родилась только дочка. Соответственно, Файбусовичей больше не будет, к сожалению.

Первое путешествие и интерес к географии

Ладно. Теперь о том, как сложилась судьба, что я очень рано заинтересовался географией. Я об этом даже написал однажды в разделе «Нам пишут», поместил тогда в журнал «География в школе». Там рассказано о моем первом интересе к географии, будем так говорить, и вообще ко всему географическому.

Я же вырос в городе, причем в самом центре города. Это на улице Жуковского, угол Лиговки, там, где сейчас концертный зал «Октябрьский», против снесенной позже греческой церкви. И естественно, все мои представления о природе были связаны с городом, мало озелененным, «по газонам не ходить», и, так сказать, я природы не видел. И вот я хорошо помню первые свои географические впечатления. Мне было четыре года и меня вывезли на дачу. Нет, простите, даже еще мне не было, наверное, четырех. В Тайцы, это небольшая станция недалеко от Гатчины. С поезда сошли на этой станции, и я смотрю: солнышко светит, травка зеленая, цветочки. Мама их почему-то называла ромашками, на самом деле это были одуванчики, но мама их почему-то называла красивым именем.

” И я пришел в такой восторг, что сел около станции и сказал, что никуда больше не пойду. Что здесь солнышко, здесь травка зелененькая, здесь красивые цветочки, я никуда больше не пойду.

А я был довольно упитанный мальчик. Меня называли булочником, потому что я очень любил сладкие булочки, и до сих пор люблю (*смеются*). И мама не в силах была тащить. Она говорит: «Ну пойдём дальше, там около дачи будут гораздо более красивые цветочки, больше травы и даже деревья». Я сказал: «Этого не может быть, такого красивого места я в жизни не видел». Вот с тех пор я стал любителем русской природы, потому что в первый раз увидел ее по-настоящему.

Первое путешествие я совершил тоже в 37-м году. Моя мама отвезла меня, тогда я был единственным ребенком в семье, в Черниговскую область, в Чернигов. Дело в том, что там занимал видный пост некий человек, под псевдонимом «Сибиряк», был председателем горсовета в Чернигове. Это ее какой-то дальний родственник. И он сказал моему деду: «Я устрою в какую-нибудь деревню твою дочь и ее сына». Мы туда приехали и поместились в деревне под названием Погорелки. Я запомнил это название. Но там уже совсем настоящая деревня, не дача. Там были куры, мама даже разводила кур, которых мы тут же быстренько съедали, когда они подрастали. И видели массу прелестей, всё то, что воспето Пушкиным: «Тиха украинская ночь». Это я все потом прочитал, я понял, что это у меня воспоминания о тогдашней Украине.

К сожалению, это наше пребывание там было омрачено тем, что мы ночевали как-то в гостях у этого Сибиряка, за ним пришли кэзэбэшники и забрали. А я проснулся — я вообще крепко спал, — проснулся,

мама очень встревожена, ищет документы. Те увидели, что мы никакого отношения к арестованному, кроме того, что мы у него в гостях, не имеем, маму оставили в покое. А его отправили, — якобы десять лет дали. На самом деле расстреляли. Потом его вдову уже и ее сына выслали в Республику Коми. Но на детей не распространялись дальнейшие репрессии. Сын потом приехал к дедушке моему в гости в Ленинград и работал на Кировском заводе. Ушел потом в ополчение в 41-м году и погиб под Новгородом в деревне Угороды, это потом удалось выяснить. А мать его жила долго в Коми, потом вернулась в более приятные места. В общем, для них это кончилось все-таки более благополучно, чем у многих.

В конце лета приехал мой отец в отпуск, и мы совершили замечательное путешествие по воде от Чернигова до Киева. Я совершенно ошалел от Киева тогда, потому что у нас в Ленинграде совершенно другая цветовая гамма. А Киев весь был зеленый и голубой такой, и транспорт даже был в другой цвет окрашен... На меня это произвело колоссальное впечатление. Я понял, что бывают и другие города кроме Ленинграда. А потом еще поехали в Гомель, где в свое время жил отец. Это значит по Днепру и по Сожу до Гомеля. Гомель мне запомнился меньше. Кроме реки я ничего там не запомнил. Вот это было первое мое длительное и дальнее путешествие.

Эрнесту Файбусовичу 3 года. Ленинград, 1936

Дальше путешествия были связаны с тем, что отец стал военным, и мы старались за ним следовать. Например, когда закончилась Финская война, то отец получил назначение в Выборг. И вот мы поехали в Выборг. Я до сих пор помню и крепость выборгскую, как она тогда выглядела, и улицы, которые еще носили финские названия, — там, допустим, Черных братьев или еще каких-нибудь, и надписи

на латинице. И это вообще был первый город, который я увидел разрушенным страшным образом войной. Там пригородные такие районы были — из-за обстрелов просто сгорели. И вот стояли целыми рядами трубы, только и оставшиеся от этих зданий. Сразу было видно, что такое война. На это страшно было смотреть. Такая была репетиция того, что последует дальше. Лето 40-го года мы провели в Выборге. Меня даже папа отправил самого в составе экскурсии на линию Маннергейма. Я запомнил эти доты, которые были разрушены нашей артиллерией. Все это было очень интересно смотреть. Вот так я познакомился почти что с заграницей, потому что Выборг только-только тогда вошел в состав Советского Союза.

Потом отец получил назначение в Мурманск. И мы дважды ездили к нему: в начале 41-го года и весной 41-го года ездили в Мурманск. Это было совсем замечательно: увидеть полярную ночь, увидеть северное сияние, увидеть Кольский залив. Это все было чрезвычайно интересно, и я уже тогда совершенно осознанно считал, что это мои географические наблюдения личные.

Т.Г.: То есть в каком возрасте вы были?

Э.Ф.: Мне было к тому времени восемь лет.

Т.Г.: Восемь лет. И уже такие воспоминания.

Географические карты

Э.Ф.: Мы уехали в мае из Мурманска. Так что о Мурманске остались очень интересные впечатления тоже географического характера. Кроме того, я еще обожал карты географические. Дело в том, что мой отец был юрисконсультom треста хлебопечения до того, как он стал военным. Но он, видимо, имел такое поручение, хотя был беспартийным тогда еще, — делал доклады о международном положении своим коллегам. И вот он собирал, соответственно, карты. У нас было очень много дома карт. Где происходили события, сразу появлялись карты. Шла война в Испании — у нас был план Мадрида. Я до сих пор помню его, все эти названия, которые там были. Дальше, допустим, был известный Мюнхенский сговор, и потом изменились границы у Германии с Чехословакией и так далее. Появились соответствующие карты. Потом шли военные действия в Китае — у нас были карты Китая. Все это папа оставлял дома, а я все это внимательнейшим образом изучал. Я научился читать в четыре года, поэтому я мог все эти надписи читать, и они мне запоминались. Это тоже прививало любовь к географии.

Еще у меня была любовь, так сказать, к топографии. Я очень любил улицы нашего города. И очень старался их запоминать. И кое-что я совершенно не мог понять. Дело в том, что, как известно, значительная часть моего города имеет шахматную квадратную планировку. Улицы пересекаются под прямыми углами. И вот уже отец вернулся на побывку из Мурманска, кажется, и повел нас в гостиницу «Астория», отметить нашу встречу. Ну, неленинградцам следует объяснить, что это рядом с центром города, рядом с Адмиралтейством. Вот мы идем в эту гостиницу «Астория», и я был страшно поражен, когда мы там пообедали, то зашли за угол и вышли на Невский. А я же ездил к бабушке на Покровку по Садовой улице. От Невского до проспекта Майорова* — это ехать и ехать, несколько трамвайных остановок. Почему тут вот за углом сразу же Невский? Тогда только мне уже объяснили, что оказывается три луча (Невский проспект, улица Дзержинского**, проспект Майорова) исходят из одного места. А я считал, что все улицы должны быть только параллельны и перпендикулярны друг другу. Поэтому для меня это было выдающееся географическое, топографическое открытие. Я понял, что оказывается, улицы не обязательно должны пересекаться под прямыми углами. Это было мое личное открытие.

* Вознесенский проспект в 1923—1991 годах носил имя проспект Майорова.

** Гороховая улица в 1927—1991 годах называлась улицей Дзержинского.

На фото видно, как от здания Адмиралтейства тремя лучами расходятся Невский проспект, Гороховая улица и Вознесенский проспект. Санкт-Петербург, 2010-е гг. Источник фото: www.jpstudio.ru

Что еще меня интересовало — это карты и атласы. И мама мне подарила глобус. Глобус я обожал. Все эти контуры, такие зелененькие, голубенькие и желтенькие. Я все это запоминал. И названия, и контуры. И далее мне мама купила замечательную книгу «Глобус»*. Это первый был «Глобус». Их потом издавали много, но вот первый «Глобус» более всего запомнился. Я, по-моему, изучил его практически наизусть. Много позже, когда уже знал Анатолия Викторовича Даринского, увидел, что ему принадлежит статья о Тибете в этом первом «Глобусе», который я прочитал. Это было замечательное, интересное времяпрепровождение — чтение этой книжки, географической литературы.

* Серия научно-художественных ежегодников «Глобус» для детей среднего и старшего возраста издавалась Детгизом с 1938 по 1990 год. Первый выпуск издания 1938 г. вышел под редакцией Ю.М. Шокальского.

Вот так возник, постоянно подпитывался мой интерес к географии. Кроме того, он подпитывался еще всеми политическими событиями. Вот я говорил о международных событиях, скажем, что я знал, где Испания, знал, где Чехословакия, и всякие такие вещи. Потом, когда уже началась Вторая мировая война, то я уже, например, знал название тех островов, за которые шла борьба в Средиземном море. И когда мы жили в Выборге на берегу залива, то ходили купаться, и там такие валуны в воде. Мы на них отдыхали с мамой: мама, я и сестра. Так у меня острова назывались: Мальта, Пантеллерия, Гоцо — всё знал. Все это так и называл, потому что все прекрасно запоминалось. И названия городов в Албании, какая-нибудь Влёра. Все это пришло с тех пор от отслеживания этой политической информации.

Т.Г.: Понятно, откуда это все началось. Я знаю вас как большого эрудита во многих областях, вы просто буквально все знаете.

Э.Ф.: Кроме того, были сами события географического характера. Были челюскинцы — значит, сразу все стали знать, что такое Арктика. Потом были папанинцы — значит, мы узнали новые географические сюжеты. Потом очень много было информации о пограничниках. Рассказывали о событиях на Дальнем Востоке. О Хасане, о Халхин-Голе, вот это все наматывалось в памяти.

Книга «Глобус» и атлас Маркса

Т.Г.: Эрнест Львович, а вот тоже вопрос хочу задать, пока не забыла. Скажите, пожалуйста, как вы думаете, это было всеобщее увлечение географией в связи с тем образом жизни, с теми событиями, которые переживала вообще вся страна, или это был исключительно ваш интерес?

Э.Ф.: Я не могу сказать за всех, но в общем фон, конечно, географический был и отражал интерес к географии. И все интеллигентные люди очень много знали.

Т.Г.: То есть география была популярной среди населения?

Э.Ф.: Это легко подтверждается вот чем. Если посмотреть мемуары наших замечательных лидеров географии, скажем, Сергея Борисовича Лаврова, Евгения Наумовича Перцика, видно, что они тоже интересовались географией с юных лет.

Т.Г.: Тоже интересовались.

Э.Ф.: Они старшие мои, так сказать, братья, но логика та же привела их в географию. Студентам рассказываю сейчас, что поразительно, какие тонкие наблюдения вели мальчишки: в Саратове — Лавров, в Сибири — Перцик. Это поразительно читать, взрослые люди до того не додумались. Но это самые яркие наши коллеги. Видимо, не один я был влюблен в географию.

Т.Г.: Да. Наверное, как бывает мода на профессии. Одно время все хотели ведь космонавтами быть.

Э.Ф.: А так же тут. Я хотел быть пограничником. Но, прямо сказать, мы были на даче, и однажды я не узнал даже хозяина нашей дачи, потому что он был одет по-другому. Была дача, тепло, а потом он плащ надел. Мама сказала: «Какой же ты будешь пограничник, если ты не можешь узнать человека?» После этого мои мечты о пограничнике закончились, а вот географические остались. У моего отца был младший брат Абрам Яковлевич. Он не был юристом, он ничего не мудрил, был Яковлевич. Он учился в Герценовском институте, но ему пришлось перейти на заочный, потому что к тому времени он уже женился. Кормить надо было жену-студентку, поэтому он уехал учительствовать в Демянск. Тогда это была Ленинградская область, сейчас это Новгородская область. И там преподавал географию, так зарабатывал на жизнь. Однажды я прихожу из детского сада, что ли, и мне говорит мама, что дядя просит, чтобы ты ему дал на время в пользование твою любимую книжку «Глобус». Потому что там в деревне никакой литературы нет, а дядя будет преподавать детям, надо чтоб не ты один пользовался, а все. Это такой был удар по мне, но я верил маме, что раз нужно, я подарил ему этот том. Не подарил, а дал в пользование. Почти сразу после этого началась война, дядя ушел на фронт и погиб в 42-м году на Волховском фронте. Мой благородный поступок имел еще одно следствие: у дяди был великолепный атлас Маркса, дореволюционное издание. Я могу вам его показать, атлас Маркса.

Т.Г.: А вы мне его показывали.

Э.Ф.: Да-да, и рассказывал.

Т.Г.: Но можно, кстати, показать на камеру.

Э.Ф.: Могу показать, какой он растрепанный, но он цены не имеет. И когда дядя после ранения на Лужском рубеже дошел пешком до Ленинграда и некоторое время приходил в себя в госпитале в городе, потом пошел снова, восстановившись, на фронт, он оставил этот атлас в подарок мне, потому что «Глобус» он не мог вернуть. Он уехал, и война началась, книга пропала. То есть «Глобус» — не глобус, а книжку «Глобус».

Т.Г.: Книжку «Глобус», понятно.

Э.Ф.: А это он оставил мне. Но мои тетки боялись, что они сами погибнут в блокаду, и они отдали моему дяде по матери, который был все-таки главврачом психиатрической больницы, таким образом, больше шансов имел выжить. Ну, и с ним могло случиться что-нибудь. Поэтому могу показать автограф, там написано, что это атлас Файбусовича Эрнеста, такой-то адрес: улица Жуковского, дом 38, квартира 27.

Т.Г.: Вы знаете, мне кажется, есть смысл показать, потому что сейчас уже таких атласов-то и не делают.

Э.Ф.: Ну почему, у меня хранится, отец мне подарил, он как офицер имел право, он приобрел атлас офицера.

Т.Г.: Но это когда было, Эрнест Львович? После войны. А сейчас?

Э.Ф.: Сейчас массовые такие не издаются (*уходит за атласом*). Вот эта надпись.

Т.Г.: Ух ты, конечно, давайте обложку покажем, чтоб было видно, что атлас Маркса, под редакцией профессора Петри и Шокальского.

Э.Ф.: Будущего президента Русского географического общества.

Т.Г.: Да-да-да. Тоже надо приподнять, потому, что... (*читает*) Атлас Эрнеста Файбусовича и адрес. Большой всемирный настольный атлас Маркса. Отличный атлас. Отличный. Шестьдесят две главных и сто шестьдесят дополнительных карт на пятидесяти пяти таблицах. 1910 год.

Э.Ф.: Сразу проверил текст Родомана об административном делении тогдашней Украины. Он это все называет Сумской губернией, а на самом деле тогда была Полтавская, не было Сумской. Но я и так это знал, на всякий случай проверил.

Т.Г.: Понятно.

Эвакуация

Э.Ф.: Вот это формировало меня. Значит, книга «Глобус», просто глобус и атлас Маркса, и плюс все карты, которые имелись. Последняя карта перед войной куплена была — карта Финляндии. После этого началась вынужденная эпоха путешествий. С начала войны началась эвакуация. И вот мой дядя, тогда он был заместителем заведующего горздравом, он не имел тогда своих детей, и он своих племянников под фамилией Ляховицких определил в один из первых эвакуирующихся лагерей, тогда это называлось интернатов. Это были дети сотрудников горздрава: врачей, медсестер и так далее. Нас собрали у Дворца пионеров, потом повели на Московский вокзал, и мы поехали в первое вынужденное путешествие-эвакуацию уже в первых числах июля 41-го года.

Т.Г.: То есть вам сколько было лет в этот период?

Э.Ф.: Было все те же восемь лет. Только в апреле мне исполнилось. Мы увидели часть нашей страны из окна поезда. Видели, как проезжали Волховскую ГЭС, через Волхов. Потом мы долго ехали ночью. Потом я очень хорошо помню, что мама не спала, когда мы проезжали Вологду. И когда проснулись, она сказала, что ей сказали на станции, что выступал Сталин по радио. Отсюда дата нашего прибытия в Ярославскую область, понятно, что это после 3-го, видимо, 4 июля мы приехали. Приехали на станцию Путятино. Это по направлению от Ярославля на Вологду, немножко севернее Ярославля. Нас расселили в школе, потом переселили в другую школу, поскольку в той начались занятия 1 сентября. Есть такой населенный пункт Григорково. На дороге, которая идет параллельно железной дороге, ведет тоже туда на север от Ярославля. Там же нас разместили и там же я пошел в школу. В первый класс. Тогда же с восьми лет брали, мне уже было полных восемь лет. Школа была в другой деревне, до которой было три километра по дороге лесом. И вот мы бодро ходили туда и обратно каждый день, кроме выходных, естественно. Заниматься там было мне не очень интересно. Первый день я провел в первом классе, страшно скучая, потому что деревенские дети ничего еще не знали, они только пришли в школу 1 сентября. А я уже умел читать и, кроме того, к сожалению, умел писать, но писал я, как всегда, плохо (*смеется*). Это Татьяна Ильинична может подтвердить, что почерк у меня из-за этого ужасный.

Т.Г.: Ваши письма, которые вы до сих пор пишете от руки, я разбираю с большим трудом.

Э.Ф.: Но зато внимательно прочитываете. Так вот тут по чистописанию я, конечно, сильно отстающим

был. То есть в лучшем случае мне ставили «посредственно», а чаще всего или «плохо», или «очень плохо», что соответствовало объективной действительности. Тем не менее после первого дня я сказал, что в школу больше не пойду, потому что я и так все знаю. Ну, мама поговорила, и меня на следующий день перевели во второй класс. Это дало мне возможность школу в свое время закончить за девять лет.

Мы там немножко пожили, и стало страшно. Дело в том, что над нашей дорогой в школу постоянно летали немецкие самолеты-разведчики. Потому что рядом-то шла железная дорога, они следили за железной дорогой. И мама, которая нас сопровождала, всю группу загоняла в лес, чтобы нас не было видно. Мы не представляли, видимо, интерес для разведчика. А вот рядом станция Пантелеево, ее постоянно бомбили. И мы сидим, занимаемся и в окошке видим, как в двух километрах горят заводские станционные постройки. В общем решили, что нечего нам там делать, что немцы могут прийти в Ярославскую область тоже. Поэтому нас погрузили в вагоны, доехали мы до города Данилов — это такой узловой центр дороги Москва – Вологда, с ответвлением от Данилова на восток.

В Данилове нас погрузили в эшелон, в котором были теплушки такие, так они назывались. Это товарные вагоны, но приспособленные под перевозку людей. В том направлении на запад везли солдат. Ну, тогда еще не солдат — красноармейцев, а обратно, чтобы не гнать порожняк, отправляли, в основном, детские всякие учреждения в эвакуацию. Мы в трех вагонах разместились. В центре была печка, а по бокам были полати. Вот мы на этих полатах ехали. Ехали долго-долго, и старшая девочка, она постарше была (Алла), на мотив тогда очень известной песни сочинила такой текст: «Далеко-далеко мы едем, и сами не знаем куда». И действительно, никто не знал. Зато было очень интересно ехать, опять же видеть Россию вот так вот с поезда. Поезд не торопился, он ехал медленно.

Вот мы доехали до Кирова, и только тогда поняли, какая большая страна. Потому что в Кирове уже не было затемнения. Никакой немецкий самолет с ума не сошел, чтобы летать так далеко. Он бы обратно не вернулся, просто горючего бы не хватило. Там уже горел свет, все было нормально. Потом мы ехали дальше, проехали до Свердловска, потом из Свердловска нас повезли в Челябинск. В Челябинске уже остановили, пытались разместить в самом Челябинске, но решили, что не стоит. Отвезли еще дальше, есть такой районный центр — станция Варгаши. Вот в эти самые Варгаши мы приехали, нас там выгрузили и это был уже декабрь 41-го года. И морозы были жуткие.

Т.Г.: Эрнест Львович, а в поезде вас кормили? Как вы питались?

Э.Ф.: Да, да. Дело в том, что врачи — люди очень серьезные. Было организовано питание. Во-первых, тогда были такие обслуживающие прямо на станциях пункты, где давали кормежку. А кроме того, видимо, какие-то еще собственные были резервы у директора нашего интерната. Поэтому мы точно не голодали. Лично меня больше волновал обратный вопрос — там стояли ведра.

Т.Г.: Да, вот это тоже вопрос, который интересен.

Э.Ф.: Вот меня это очень волновало. Поэтому использовали всякую стоянку для того, чтобы под вагон залезть и там сделать. Но иногда ночью не получалось. Вот это меня волновало больше. Тем более мама сама кое-какие запасы сделала. Но даже те дети, которые без родителей были, а таких было большинство, не голодали, их кормили. Регулярно кормили на станциях, приносили какие-то каши, овсянку. Поэтому, к счастью, в этом смысле все было нормально. Чай кипятили вот на этой плите, разогревали. Не на плите, а на печке. Так что все было. Вот с отоплением было плоховато. Не всюду хватало. Ну, старшие мальчики, были там постарше, лет четырнадцать-пятнадцать, они где-то отыскивали шпалы, что-то еще притаскивали.

Т.Г.: А вы спали на чем? Прямо на полу или там были какие-то постели?

Э.Ф.: Нет, там были, я говорю, такие стеллажи. И мы на втором этаже...

Т.Г.: Понятно, многоярусные кровати.

Э.Ф.: Да-да, такие вот, мы лежали. В общем, я бы не сказал, что все было плохо. У меня дискомфорт

был только в силу моей стеснительности, только по этой части. А все остальное было вполне прилично. И нас развлекали. Мы пели песни, читали стихи. Все было замечательно. Такая самодеятельность была. Нет, организация у медиков была великолепная, тем более нас сопровождали врачи, они следили за нашим здоровьем, делали прививки. В Данилове даже от кори, чтобы все были здоровы. Прекрасная организация была, это замечательно.

В Варгашах нас высадили, и надо было везти детей за сорок километров в деревню Носково. Мороз трескучий, а возили-то на лошадаках, и решили, что так они переморозят всех детей. Нас разместили в здании, по-моему, райисполкома. В общем, в каком-то казенном учреждении всех. Тут уже на полу на матрасах, но кормили опять же превосходно. В основном манной кашей. Вот в этом пункте была манная каша. Очень многие дети балованные терпеть не могли манной каши. А я всю жизнь манную кашу любил.

” Утром давали манную кашу, допустим, с молоком, жиденькую. Потом в обед давали, допустим, ту же манную кашу, но уже густую. А третий раз, допустим, сладкую манную кашу. Три раза в день я ел манную кашу с большим удовольствием.

И абсолютно тоже не голодал. В то время было очень хорошо. А вот некоторые, которые не любили кашу, им приходилось хуже.

Дни это были, как все знают из истории, очень знаменательные. Во-первых, в эти дни начиналось наше контрнаступление под Москвой. А во-вторых, как известно, тогда японцы совершили нападение на Перл-Харбор, что означало, что в войну вступают Соединенные Штаты. Делать-то было нечего, читать тоже было нечего, поэтому я слушал радио. А взрослые были заняты проблемой чем нас накормить, да как организовать отpravку. Все-таки потихоньку по два, по три человека вывозили на лошадаках закутанных детей в санях. И все стали спрашивать: «А что же происходит? А что же происходит?» Я говорю маме: «Давайте повесим политическую карту мира, я вам все расскажу». И вот я первый раз выступал публично с докладом на географическую тему о политических событиях. Все взрослые с удовольствием слушали. Я показывал, где Гавайские острова и где Соединенные Штаты, и все это я показывал. Мама сразу мне этого не сказала, а потом уже много лет спустя сказала, что ей все взрослые говорили: «Какой у вас замечательный сын». Но мама моя никогда...

Т.Г.: Не считала нужным.

Э.Ф.: Не считала нужным мне об этом сообщить.

Т.Г.: Боялась избаловать она вас.

Э.Ф.: Да-да. Это она мне сказала, когда я значительно старше стал. То есть это было первое мое такое публичное выступление. Кстати, интерес к географии мне привил мой дядя медик, который отправил в эвакуацию. Я с ним даже переписывался, когда в Мурманске мы были, и я ему задавал какие-то географические вопросы из атласа, он должен был ответить. И он мне задавал такие вопросы. Такая у нас была игра. Однажды он у меня спросил, что такое Лиссабон? Я ему написал, что Лиссабон — это столица португальцев. Я не знал, как это правильно произносится, но это я запомнил. Такая была переписка. Наконец, дяде это надоело, и когда мы приехали опять в Ленинград после всех поездок, он мне говорит: «Что ты мне там про Лиссабон или еще какой-нибудь город задаешь вопросы? А вот ты мне скажи, где находится такой Озерной переулочек?»

Т.Г.: Замечательно! Полимасштабный анализ.

Э.Ф.: Да-да. Озерной переулочек. Я говорю: «Не знаю». — «А вот когда узнаешь, вот тогда и будем с тобой дальше играть». Я пошел по Лиговке один, ну мне все-таки был уже восьмой год. Пошел и обнаружил, что это буквально в двух шагах от нашего дома. Я проходил мимо к Мальцевскому рынку, это нынешний

Некрасовский рынок*, и много раз мимо этого переулочка и не обращал внимания на его название. А оказывается рядом с нами есть Озерной переулочок. То есть он мне привил вкус, что нужно собственными исследованиями тоже заниматься.

* В советские годы — Некрасовский рынок, а ранее и после — Мальцевский.

Т.Г.: Полевые исследования, да.

Э.Ф.: Вот это было заложено тогда уже тоже, до войны еще.

Т.Г.: Так важно, чтобы кто-то правильно и вовремя расставил акценты.

Э.Ф.: Ну, для этого надо иметь соответствующее окружение.

Т.Г.: Конечно. Несомненно.

Э.Ф.: Это был замечательный врач-психиатр, выдающийся.

Наконец, когда мороз лопнул, нас отвезли в Носково. И вот мы попали в сибирскую такую глушь. Представляете, сорок километров от железной дороги. Я написал об этом, и Зырянов опубликовал мои мемуары «Годы эвакуации на Урале» в «Географическом вестнике».

Т.Г.: Зырянов — это декан географического факультета Пермского государственного университета.

Э.Ф.: Да-да. Он совершенно замечательный человек.

Т.Г.: Александр Иванович Зырянов.

Э.Ф.: Да-да. И вот он когда-то попросил меня написать что-нибудь. Я ничего ученого написать в тот момент не мог, говорю: «Давайте я вам мемуары об эвакуации на Урале». Потому что главным образом мы жили в Пермской области, тогда Молотовской. Он сказал: «Ну ладно, давайте». И опубликовал. Оказывается, в интернете находят этот текст и читают люди.

Т.Г.: Конечно, это интересно. Мы же мало знаем о том времени.

Э.Ф.: Чисто объективно, я старался при этом делать так: не то, что я сейчас знаю об этом, а то, как я тогда воспринимал. Потому что это естественно. Сейчас я знаю много других деталей. А тогда так было. И вот мы там пошли в школу. Учились. Я должен отметить исключительно высокий уровень обучения в сельской школе. Понимаете, учителя учили как полагается. Вот чему они не могли меня выучить, это чистописанию. Но это не они виноваты. А все остальное: математику, арифметику долбили, стихи учили. Безжалостно заставляли учить все стихи, какие там в учебнике есть, все мы выучивали. И писать нас учили, и в смысле грамотности все. Очень высокий уровень образования. Если бы наших студентов сейчас так учили, как тогда мы учились в той школе. Устный счет, сейчас ведь никто устного счета не знает, а у нас устный счет — даже вопросов не было, учили все наизусть.

Т.Г.: Эрнест Львович, я так поразились, когда приехала преподавать в сельскую школу, тому, что там была прекрасная библиотека. Сколько было книг замечательных в этой библиотеке собрано.

Э.Ф.: Нет, у нас в школе как раз не было книг. Но была библиотека сельская.

Т.Г.: Да, я и имею в виду сельская.

Э.Ф.: В ней я прочитал книги, во многом сыгравшие главную роль в моем самообразовании. В частности, Ферсмана «Занимательная минералогия».

Т.Г.: А Меча там же читали?

Э.Ф.: Нет. Меч — это у нас семейная была книжка еще. А вот это там было. Или там были великолепные эпосы, допустим, «Джангар». Это калмыцкий эпос. Вот такие замечательные книги. В деревне ничего другого не было, а вот кому нужен там «Джангар», я не знаю (*смеется*). Но были. И я много стал там читать.

Там хуже было с газетами, газеты плохо приходили. А вот по радио все-таки можно было что-то слышать. И мы все следили с замиранием сердца за всеми событиями. Мы же, конечно, были очень травмированными. Мы ожидали, что «Красная армия всех сильнее», так мы пели, а эта Красная армия проигрывает все. Сначала даже возникла идея, что не означает ли это, заманивают, как Наполеона заманивали. Потом поняли, что дело не в заманивании. И мы так следили за тем, как менялась линия фронта. Потом это стало повсюду, во всех учреждениях вешали карту и показывали флажками линию фронта. И мы так ужасались, когда эта линия фронта все отходила на восток. И потом, когда наконец после Московской битвы все поехало назад, мы торжествовали. Мы внимательно за этим следили. И все сообщения Совинформбюро по карте проверяли.

На всю жизнь запоминались эти географические названия и где они находились. Это само собой, никто специально не заучивал. Вот сейчас произошла интересная вещь: раньше считалось, что существует произвольное запоминание, то есть ты даже не хочешь, но все равно запоминаешь, а сейчас у современных студентов этого нет.

Т.Г.: Нет необходимости, мотивации нет. Всегда можно посмотреть в Интернете.

Э.Ф.: Нет, ну хорошо, а какая у нас была необходимость? Можно прекрасно прожить, не зная, где находится какая-нибудь там Ельня. А мы запоминали. Не я один, все запоминали. Вот в чем дело. Просто не привыкли они в карты смотреть. А тогда во всех учреждениях это было.

Таким образом, я никаких претензий к школе этой не имею. Она была хоть и сельская, а давала самое настоящее — начальное, естественно, — образование. Я учился там только в начальных классах, во втором и в третьем.

Значит, там мы пробыли недолго, вот познакомились с Сибирью. Там была масса необычных вещей. Например, на зиму заготавливалось огромное количество молока. Замороженного молока в мисках. Склад был целый.

Т.Г.: Я как сибирячка помню тоже такие вещи, знаю.

Э.Ф.: И мы это ели вместо мороженого. Я терпеть не могу молока, но в таком виде оно изображало собой мороженное. То же самое было с маслом топленым. Сливочного практически не было, а топленое масло тоже в такие миски и вот такими штабелями.

Т.Г.: Да-да, хранилось так.

Э.Ф.: Да. Тогда еще деревня не была разорена. Дело в том, что хлеб весь вывозили, а молоко, куда его повезешь за сорок километров? Поэтому там молоко оставалось у жителей. И мама у них покупала. И какое еще молоко, какую простоквашу. Это была такая простокваша, например, когда ложкой берешь и дырка остается, яма. Она не затягивается, настолько это было замечательно. Так что это все сельское хозяйство я впервые увидел вот там. Но мы сами принимали некоторое участие для того, чтобы помочь и подкормиться, мы занимались колосованием, после того, как убрали хлеб...

Т.Г.: Сбор колосков?

Э.Ф.: Остаются же, вот и мы это все собирали.

Т.Г.: А я в первый раз слышу этот термин — «колосование». Сбор колосков.

Э.Ф.: Собирают колоски. Вот сколько мы соберем колосков, столько нам сварят потом каши. Так что мы активно очень участвовали в этом деле. То есть я впервые по-настоящему близко увидел коров, овец. Замечательные такие воспоминания. Между двумя частями, деревня большая, там такая протока была и через нее мостик. И вот гонят овец. Мальчишки по существу, не настоящие пастухи, а мальчишки, подростки, гонят. И вот какой-то один козел, который ведет эту команду всю, это большое количество овец, вдруг идет не по мосту, а кидается в эту протоку. Залезает в болото. И все дуры-овцы туда же. Эти мальчишки начинают вытаскивать овец обратно (*смеется*), а они снова кидаются назад. Запомнилось

на всю жизнь, что значит инстинкт предводителя. Все они за предводителем. Я видел все это в натуре, как все это делается в деревне. Так что было все очень интересно. Там мама жила отдельно от интерната, она нас подкармливала, потому что те вещи, которые мы взяли с собой в эвакуацию, она меняла на молоко. Можно было, допустим, целого барана на простыню сменять.

Т.Г.: На простыню? Целого барана?

Э.Ф.: Да. Вот такой коэффициент был. Деньги не принимались.

Т.Г.: Понятно.

Э.Ф.: Деньги не принимались. Мама получала по аттестату деньги, деньги у нее как раз были, но они не были никому нужны, на них ничего нельзя было купить. А обменивать на городские вещи — местное население обменивало.

Т.Г.: Время дефицита.

Э.Ф.: Причем тоже было географическое название деревни, там одна часть называлась Россия, а другая Сибирь. Значит, западная часть — это Россия, а там называлась Сибирь. Вот мы жили в России, а в школу ходили в Сибирь.

Т.Г.: Как интересно.

Э.Ф.: Замечательно интересно это. Я потом пытался, будучи как раз в Кургане, найти эти места. Со мной Красильников поехал, он сейчас в Ханты-Мансийске работает, бывший студент Герценовского института. Мы поехали в Варгаши, слезли в Варгашах, увидели тот же самый элеватор, который стоял в те времена. Потом доехали на автобусе до полпути, а дальше автобус не ходил уже. Ну, идти еще 15 километров нам не захотелось, и мы вернулись обратно. Так мы до этой деревни Носково и не дошли. Это уже было в 80-х годах.

Сибирь еще на меня произвела очень большое такое впечатление. И сибирская зима, когда мы видели метровый слой снега, буквально метровый наметен. И потом впервые я чернозем увидел, когда копаешь-копаешь, а все там черное. Замечательные воспоминания были об этом. Но наша мама была патриотка. Она считала, что как же, она ничего не делает, вроде только при детях. Она одно время воспитательницей работала, а потом детишек разобрали. Их стало меньше, воспитателей сократили.

Т.Г.: По семьям разобрали?

Э.Ф.: Нет. Многие приехали родители и забрали своих детей. И уже не нужно было такого персонала, маму освободили. Она стала безработной, так сказать. Она юрист, адвокат, что она может делать?

Т.Г.: Да, не нужно. Вряд ли нужно.

Э.Ф.: Она уехала в Челябинск. В Челябинск тогда перевели Кировский завод. На Кировском заводе работал еще один мой дядя, ее брат Борис Яковлевич. И она там стала адвокатом. Она была очень хороший адвокат, и там она жила некоторое время. Потом ее откомандировали в город Карабаш — это на западе Челябинской области. Она там тоже стала адвокатом. И вот она решила нас туда перевезти — меня с сестренкой. Кроме того, к ней тогда приехала мама, наша бабушка. Она перед самой войной уехала со своей сестрой в Ромны как раз, и там ее застала война. Их эвакуировали, они жили где-то в Саратовской области на станции Алтата. Потом им стало очень тошно, и они поехали к своим. Сестра уехала в Свердловск к своим детям. А наша бабушка приехала в Челябинск. В Челябинске она приехала к своему сыну. Сначала там были сын, его жена и внук. Их трое было. У них была маленькая-маленькая комнатуха, и жить им было невозможно. И наша мама решила бабушку взять с собой в Карабаш, потому что там маме дали вполне приличную, однокомнатную, правда, квартиру, но довольно больших форматов. Мы там жили. Переехали в Карабаш вчетвером.

Карабаш — это ужас был. Он не зря «кара», черный такой. Там же огромный медный комбинат. Это мы сейчас знаем, что такое экология. А тогда мы этого слова не знали, но зато мы видели результаты

воздействия этой серной кислоты. Там же сосны еще были, а больше никакой там зелени не было. Мы зимой там как раз были. Приехали в октябре и уехали уже в марте. Это было страшно. Это было страшно, даже понятно, что что-то там не ладно, не так. Но мы в Карабаше прожили сравнительно недолго. Там я тоже поучился в школе уже в третьем классе. Потом наш отец решил нас перевести куда-нибудь в европейскую уже часть. Стало ясно, что война идет уже в противоположном направлении. А он, после того как служил на севере, служил в Ленинграде (у него за оборону Ленинграда есть медаль) и потом на Волховском фронте.

Потом он рассказывал тоже замечательную историю, она произвела на меня очень сильное впечатление. Тогда создавался Волховский фронт, и его нужно было, естественно, снабжать. Одного из партийных руководителей назначили начальником снабжения фронта. Отец стал замечать, что приезжают машины со всякого рода пропитанием, со всем нужным для солдат, а потом часть машин почему-то разворачивается и едет в обратном направлении. А он был следователем в прокуратуре военной. Он стал допрашивать граждан: «Что происходит? Почему тратятся огромные средства на завоз всего необходимого на фронт, а потом вы везете обратно». А вот этот бывший райисполкомовский работник это так обустроивает.

Т.Г.: Какое безобразие.

Э.Ф.: Ужас, да. И вот отец стал собирать материал на этих жуликов, взял у информаторов подписку о неразглашении. Допрошенные покидают землянку, в которой отец работает, и тут же их встречают работники СМЕРШа. И их спрашивают: «Что вы делали в землянке?» Они раскалываются, конечно, и говорят, что их допрашивал наш юрист, следователь. Как же избавиться от отца? Он все делает по закону. И опять говорят, что «вот, всех заставляли делать неправильно». Значит, кто хотел и умел, делал все правильно, ничего не боясь. Мой отец в этом смысле был замечательный человек. Так от него избавились. Его отправили продолжать службу в Москву.

Т.Г.: Повысили?

Э.Ф.: Ну, чин у него остался прежний, но зато он в Москву получил назначение. В Московский фронт ПВО.

Т.Г.: То есть фактически он не смог ничего с этим поделать?

Э.Ф.: Там он не мог ничего поделать, его убрали деликатно оттуда.

Он рассказывал массу интересных вещей, что все-таки, когда опираешься на закон, никто ничего не может сделать с тобой.

”

Все определяет закон. То есть тебя все равно не терпят, тебя все равно убирают, но репрессировать тебя не могут. Потому что ты прав, закон есть закон.

Отец надеялся, что он куда-нибудь поближе к Москве нас подвезет, чтобы чаще нас видеть. Он к нам приехал весной 43-го года. Тогда наша армия только перешла на погоны. И он в Карабаше, у них есть свой военкомат, он должен зарегистрировать сам факт своего пребывания. Его отпустили на побывку на несколько дней на перевоз семьи. И весь Карабаш ходил и смотрел на военного в погонах. Это был мой отец, он тогда уже был майором юстиции.

Мы тронулись из Карабаша. Но он-то рассчитывал перевести поближе к Москве, а было издано запрещение всякого подвоза в Подмоскovie. Он познакомился, в поезде еще едучи, с одним начальником морского училища, которое, хоть оно и морское, находилось в городе Верещагино Молотовской области. И тот говорит: «А давай приезжай, вот хорошая станция, от нее потом можно будет к Москве подъехать, пусть они поживут в Верещагине». И мы поехали с папой в Верещагино. Да, он нас встречал, вообще говоря, в Варгашах еще. Потом мы из Варгашей приехали в Челябинск, потом из Челябинска приехали в Карабаш. А вот из Карабаша мы тоже уезжали с ним сначала до Свердловска. Из Свердловска

в Верещагино. И дальше я уже жил два с лишним года в Верещагино. С марта 43-го года, я заканчивал там третий класс, и до августа 45-го года. До конца войны. То есть это было наиболее продолжительное пребывание на Урале.

Верещагино — замечательное место по природным условиям. Там хорошая и очень спокойная природа. Мы ходили в лес. Но там-то было голодно, потому что там мы перешли в город на систему уже карточную. А карточки были, как вы понимаете, не очень хорошие. Я больше всего ценил, в школе у нас давали в те дни по пятьдесят граммов хлеба, дополнительно к карточке давали. Обязательно давали. А в субботу было совсем хорошо, потому что давали воскресную норму сто граммов. Вот дежурные разносили на большой перемене эти кусочки хлеба. Интересно, что если болел и не приходил, то на следующий день тебе этот кусочек еще давали дополнительно. В общем очень аккуратно нас подкармливали хоть таким образом.

Т.Г.: А на карточки что давали?

Э.Ф.: Я боюсь сказать с точностью. Но тем не менее хлеба было очень немного, я не помню, наверное, триста граммов.

Т.Г.: Триста граммов на сколько?

Э.Ф.: На сутки.

Т.Г.: На человека?

Э.Ф.: Да. Вот. Ну, по-моему, триста. А остальное — что бог даст.

Т.Г.: И что бог давал?

Э.Ф.: Бог давал, скажем, нужно сахар, а сахара нет, тогда давали, допустим, пряники, но в эквиваленте соответственно. Мы ели пряники вместо сахара. Вот так вот. Что находилось, то и давали.

Т.Г.: То есть в основном мучное? Мучная еда.

Э.Ф.: Нет, что-то еще было. Потом очень большую роль сыграл, конечно, ленд-лиз. Вы знаете, у Аксенова есть такое произведение, «Ленд-лизовские» называется. Я не во всем согласен с Аксеновым, но тут я тоже должен сказать, это все-таки оставляет добрую память о наших союзниках. Конечно, мы очень много получили от ленд-лиза. Я не скажу, что, может быть, вся страна, но в Верещагине... А в Верещагине вообще был повышенный жизненный уровень, там же были железнодорожники. Каганович заботился о том, чтобы железнодорожников снабжали по сравнению со всеми остальными, потому что они выполняли самую ответственную работу. И со мной товарищ учился, он всегда ходил с такой чистой, промасленной головой. Я-то был вшивенький. Я говорю: «А ты чего такой?»

Т.Г.: Вшивенький — это в каком смысле?

Э.Ф.: В буквальном смысле.

Т.Г.: Да что вы?

Э.Ф.: Буквально, мы были завшивлены страшно. Допустим, мама меня всегда стригла... Даже не мама. Дело в том, что мы в доме снимали у одной женщины, которая была парикмахером. Вот она меня иногда стригла. Потом была одна знакомая еще парикмахерша, мы учились вместе с ее сыном, а мне поручили обучать русскому языку дополнительно группу моих одноклассников. Вот я их учил, они после этого повысили свои знания русского языка, и она меня бесплатно даже стригла. Не за рубль, а бесплатно стригла. Но наголо совершенно. Дело в том, что это ничего не меняло, потому что в следующий раз шел в школу, и все равно заражался педикулезом. Хотя мы ходили, вот еще были специальные такие при железнодорожной станции, можно было туда прийти, и там пропаривали твоё бельё все, и ты мог помыться. Но все равно не помогало. Я уже потом, только после войны избавился от вшивости. Но мне-то было ладно. И сестренку мою так же стригли.

Т.Г.: Что же было делать.

Э.Ф.: Что делать. Так вот, а у него, я говорю: «А почему так?» — «А я мажу топленным маслом». Я говорю: «Ты что, с ума сошел, топленое масло есть надо, а не мазать им волосы». Вот такой был уровень железнодорожников. Они были зажиточными людьми.

Т.Г.: Конечно, маслом мазать волосы (*смеются*).

Э.Ф.: Вот так. В общем, голодно было. Во всяком случае, мы уезжали в 45-м году с дистрофией. Ну, не такого, не высшего уровня, но вид был дистрофический. Особенно тяжело переносились при этом прививки. Нужно сказать, что нам делали от тифа, от цепного, от брюшного, от паратифа.

” Кололи безжалостно тогдашними шприцами. Но была страшна не боль. Было трудно найти мягкое место, у меня были одни кости. Это было довольно болезненно. Но ведь не было же никаких заболеваний.

Т.Г.: Правильно делали, конечно. Иначе бы эпидемии...

Э.Ф.: Вот. То есть там-то благодаря железной дороге порядки были хорошие. Кроме того, у мамы был аттестат все-таки, больше тысячи рублей. За это можно было что-то купить. Буханка хлеба стоила рублей сто пятьдесят, скажем так вот. Можно было иногда купить. Или, допустим, мама моя покупала через день чекушку — стакан молока для нас с сестрой. Сама она не ела. Вот так. Что-то такое можно было купить. Очень маму подкармливали еще, она уже юридическую работу там не выполняла, она была секретарем одной артели. Артель производила всякую ерунду. Веревоочные лапти — чуни, или там еще какие-то игрушки детские. И вот она там была. Представляете, какая она была секретарь. Она с высшим образованием, грамотная, поэтому ее очень ценили. Там тоже сотрудников кормили овсяным киселем. Мама всегда приглашала меня, я прибежал к ней, и мы вместе с ней овсяный кисель ели. Есть мне хотелось всегда.

Летом помогало то, что можно было пойти собирать грибы. Город небольшой, прямо на окраине сразу начинается лес. Опытные грибники идут далеко и приносят хорошие грибы, там, белые. А мы собирали что попроще, сыроежки, маслятки. Но бывали и рыжики, и грузди, все мы это собирали и ели. Это было существенно. Ягодки были, можно было собрать землянику и так далее. Мама очень боялась ходить далеко в лес. Чем дальше, тем больше. Она боялась заблудиться. Тогда папа прислал свой офицерский компас.

” Мама плохо знала географию. Она говорила: «Ну хорошо, компас есть, я определю, где север, но мне не нужно, где север, мне нужно где Верещагино».

Т.Г.: Замечательно.

Э.Ф.: Вот так вот. Она по географии всегда училась плохо и страшно удивлялась, почему я так люблю географию. Так что компас нам мало помогал. Но все-таки кое-чем подкармливались, подножным таким кормом. Тем более лес там хороший. Там ни комаров, ничего нет. В этом смысле замечательное место такое наше Верещагино было. А потом уже в конце лета малина шла. Невероятное количество ягод было в малинниках. Можно было малины вот так вот набирать. Но мы не особенно набирали, мы все сразу съедали. «Не отходя от прилавка». Вот так.

Сестренка моя была в детском саду. Она получше там ела, но тоже есть ей хотелось все время. Вот так мы и жили. Должен вам сказать, когда мы ехали, уже было известна книжка Первенцева. И там было написано, что на Урале люди жадные и даже снега зимой не дадут. Это не соответствует действительности.

Во всяком случае, мы два раза меняли там в Верещагине жилье. И вот в одном доме был очень любопытный хозяин. Такой Василий Александрович Чалов. Слепой. Он ослеп на лесозаготовках где-то давно. И он тем не менее занимался спекуляцией, рыночной торговлей. Он ездил в Пермь, слепой совершенно, покупал там какие-то нужные товары, а потом сидел на рынке и торговал ими. И вот мама могла у него что-то приобрести тоже.

Кроме того, еще была ситуация. Папа знал, что мы в очень плохом состоянии, и он старался... А многие военные часто ездили на побывки: кто по ранению, кто как. И он со всеми своими товарищами отправлял нам посылки всякие. Станция большая, железнодорожная, все поезда останавливаются, мама встречала этот поезд, и таким образом он нас подкармливал. В частности, он присылал весь свой табачный паек. Ему полагалось как офицеру «Дели» (папиросы).

Т.Г.: А он не курил.

Э.Ф.: А он некурящий. Уверяю вас, что, если бы он был курящий, он бы все равно отправлял. Он все это отправлял, и мама передавала этому спекулянту. Он покупал у мамы за полцены. А потом наживался, а мы получали лишние 150 рублей, чтоб купить дополнительно хлеб. Один раз мама сказала: «Зачем мы платим такой налог, давай вот ты пойдешь торгуй». Я пошел на рынок, продал ровно три папиросы по пять рублей за штуку, потом подрался с мальчиком, который взял у меня папиросу и не заплатил эти пять рублей. И я сказал маме: «Знаешь, я лучше умру с голоду, но торговать я никогда в жизни больше не буду». Это не соответствовало моим идейным убеждениям. Пришлось пользоваться услугами этого Василия Александровича.

У него была жена Федосья Федотовна. У нее трагически сын пропал без вести. Я сильно подозреваю, что он в плен попал, военный. И вот она нас подкармливала. Когда мы уже переехали на другую квартиру, а маме было тяжело, нечем было нас особенно угощать, она говорила: «Иди к Федосье Федотовне». Я шел к этой Федосье Федотовне. Она мне чай давала, брюкву какую-нибудь пареную. Что-нибудь такое. Я же ей был никто в сущности, даже не квартирант, бывший квартирант. То есть были хорошие добрые люди. Это я должен засвидетельствовать. Причем разных национальностей: русские, татары. Все отбрасывалось, люди старались помогать друг другу. Я читаю сейчас современные книги современных писателей, которые сегодня видели. Это же сплошная чернуха. Там ни одного светлого пятна нет. А мы вот даже в таких тяжелых условиях эти светлые пятна имели.

И опять-таки был очень высокий уровень преподавания в школе. Очень высокий. Особенно я пришел в пятый класс железнодорожной школы. Когда в четвертом классе учился, я еще учился в такой не очень хорошей школе. А тут блестящая была совершенно школа. Железнодорожники — богатые люди, и они хорошо оформляли школу, и прекрасный был состав учителей. Правда, это были многие эвакуированные учителя из Ленинграда, кстати, и врачи тоже, из Латвии, вот так. Опять же уровень преподавания был очень высокий — всех предметов. Мы всему хорошо учились. И никаких у меня никогда не было оснований сказать, что меня чему-то не научили. Всему научили, что требовалось по программе, очень даже хорошо. Пятый класс я кончил очень хорошо.

Я тут должен представить такой политический сюжет: как мне не повезло на экзамене в пятом классе. Мы должны были написать изложение. Как раз закончилась война, и вот в тексте была фраза, что Верховный главнокомандующий Сталин сделал то-то и то-то. И я умудрился написать с маленькой буквы слово «Верховный». Я все прекрасно знал, но мне снизили оценку, у меня не было пятерки по русскому языку. Из-за Верховного главнокомандующего. Как-то я не обращал внимания на написание его титула. Тем более, я чаще все слушал по радио.

Опять-таки в течение всего этого времени к географии поддерживался интерес приказами Верховного главнокомандующего. Мы их слушали внимательно. И всякие самые последние населенные пункты, за которые были приказы, запоминались на всю жизнь. Левитановским голосом: «Войска генерала такого-то заняли такие-то города». Все это прослеживалось и запоминалось. Все. Это колоссальный был источник географической информации. Кроме того, в Верещагино был — районный же центр это — партийный кабинет. Не будучи партийным, я приходил в этот кабинет, я читал журнал «Америка», я читал газету

«Британский союзник», ну и советские газеты тоже. Я был полностью информирован. Ну, насколько это было возможно. И прекрасная была библиотека, где были все русские классики. Все можно было читать. И Достоевского, и Толстого, и всех остальных. То есть уровень культуры был, я считаю, очень высокий. Я ничего не потерял по сравнению с тем, скажем, если бы учился в Ленинграде. Примерно тот же самый был уровень. Тогда стандарты выдерживались.

Наблюдения за железнодорожными эшелонами

Дальше еще одно географическое такое было... Война закончилась, и вот по нашей железной дороге как раз пошли все поезда на восток. А было так: я учился с одной стороны железной дороги, а по другую сторону, допустим, к маме ходил в ее артель кушать овсяный кисель. Поэтому часто ходил через дорогу по мосту деревянному. И вот мы, ходя по этому мосту, видели всю военную мощь нашей страны. Шло на запад огромное количество военных эшелонов с танками из Челябинска, из Нижнего Тагила. Много платформ с танками. Потом с артиллерийскими орудиями, это Мотовилиха давала огромное количество орудий. Вот они так и ехали. Самолеты ехали. Не летели, а ехали, берегли их ресурсы. Поэтому они ехали, тоже на платформах. И какие-то невероятные, закутанные установки. Потом оказалось, что это «Катюши» были. Их секретно везли. То есть «Катюш» мы не видели.

Т.Г.: В чехлах везли.

Э.Ф.: В чехлах. Значит, вот это мы все видели. А в обратном направлении, что производило жуткое впечатление, во-первых, везли немцев пленных. И их очень много выбрасывали мертвых. Они очень сильно болели. Причем, они заболели, видимо, еще у себя в окопах, когда они были не пленными. И вот почти после каждого такого эшелона несколько изуродованных трупов прямо на глазах у всех везли.

Т.Г.: Их не хоронили, просто выбрасывали?

Э.Ф.: Нет. Там был пункт, который принимал дальше. Конечно, хоронили, но их выносили куда-то туда. Вот я сам видел это. Кроме того, масса битой техники. Также она ехала открыто. Разбитые танки, причем не наши, немецкие везли, с крестами, наши со звездами. Все это везли на переплавку на заводы металлургические. Все это было видно невооруженным глазом. А потом, после войны, смотрим, стали вывозить уже демобилизованных. Они едут, погода хорошая, июль месяц. Они играют на гармошках, открыли двери в теплушках. Потом, смотрим, идут какие-то эшелоны и ничего. Никто не радуется, никто, музыка не играет. Потом мой товарищ, я сам не видел, говорит: «Ты знаешь, я иду по мосту, а там прогуливаются вдоль вокзала генералы со многими звездами». А это переводили наши войска. На Дальний Восток. То есть не надо было быть шпионом, чтобы понять, что там что-то все не так. Поэтому, когда мы услышали об объявлении войны Японии, мы поняли, что происходило.

Т.Г.: Что вы видели.

Э.Ф.: Всё видели. Так мы специально не наблюдали, это так получалось. А если кто хотел и наблюдал, то это нельзя было сохранить. Представляет, весь генералитет вдруг на станции Верещагино оказывается. Тогда началась война. Нам очень хотелось вернуться в Ленинград. В Ленинград не пускали. Только по вызовам.

Т.Г.: Не пускали?

Э.Ф.: Не пускали. И это правильно делали. Как было разместить всех вернувшихся эвакуированных. Город-то разрушен, как быть? Поэтому только по вызову. И вот дядя наш Михаил Яковлевич прислал вызов нам. И мы погрузились тоже, кстати, в эшелон. Не в обычный вагон, такой же эшелон, как мы ехали на восток. Но уже отопления не было, потому что это было лето, август. Поехали в Ленинград. Также было интересно всю дорогу посмотреть. Опять же мы переезжали Волхов, и наконец приехали в Ленинград. 25 августа 45-го года. Мы поехали к дяде, он был в психиатрической больнице. У него остановились, потому что нашу комнату в квартире запечатали и туда нельзя было попасть без ведома властей. Мама стала оформлять

наше переселение, поселение там. И соответственно, мы переехали туда. И только мы переехали, в ночь на 31 августа...

Т.Г.: Это на Васильевском, да?

Э.Ф.: Нет. Это наша квартира была на углу Жуковского и Лиговки. Недалеко от Московского вокзала. И вдруг выясняется, что приезжает отец. Он не знал, что мы уехали из Верещагина. Письма так быстро не ходили. Хотя вообще-то должен отметить, что полевая почта работала великолепно. Папа писал через день письма. И мы их получали. Ну, за редким исключением, когда он перемещался с фронта на фронт. И мама ему всегда писала, он говорил, что доходили, получал все письма. Хорошо работала почта. И вот он не успел получить письмо, что мы уехали уже. Он приехал в Верещагино, пришел в тот дом, где мы жили, ему говорят: «А ваши уже уехали». Тогда он сел и поехал за нами в Ленинград. Мы встречали его, поезда пришли с опозданием, мы ночью его встречали. Он был очень нагружен трофеями. Тогда военторги всем офицерам, которые отправлялись по другим назначениям, разрешали много чего взять. Там радиоприемник, допустим, хороший, что-то там еще. В общем, у него были довольно большие тюки. А наш папа всегда был бессребреником. Мама считала, что он с одним чемоданчиком прибежит, а оказывается с большим количеством груза. Вот приехали домой, ночью. Мы такие довольные, что папа приехал. И он говорит маме: «Я получил назначение в Симферополь, — там был такой Таврический военный округ. — Оставайся здесь, чтобы сохранить комнату в этой квартире, а я поеду туда». А мама сказала: «Ни за что. Хватит. Война была, никакой квартиры нам не надо, поехали туда». Бросили мы квартиру и уехали в Симферополь. Вот так возник новый объект, который я увидел.

Жизнь в Крыму и окончание школы

Э.Ф.: Значит, появилось у нас сразу новое направление движения — через Москву в Симферополь. В Москве я бывал один раз до этого, до войны. Мой отец еще тогда был работником треста хлебопечения. Он был командирован по каким-то делам в Москву и меня взял с собой. Мы ехали на Красной стреле. Приехали в Москву и там несколько дней провели. Я был потрясен Москвой. Какой совершенно ненормальный город. Улицы самые растопыренные, в стороны идут, ничего не разберешь, какие-то кривые. Переулок один так и называется — Кривой. Что это за город? Город должен быть нормальный, чтобы все улицы по ранжиру, точно пересекающиеся, а тут — что это такое за город? Потом что это такое, главная улица вдруг как на холм влезает, улица Горького. Что это за улица? Должно быть ровненько все. А речка? Что это за речка Москва? Смотреть не на что! Вы знаете, я совершенно не воспринимал Москву тогда, когда в первый раз увидел. Зато метро мне очень понравилось. Метро очень понравилось. Причем не вагоны, вагоны всюду вагоны, а...

Т.Г.: Станции?

Э.Ф.: Эскалаторы. Не станции. Вот это мне понравилось. Едет вниз. Так что это было очень большое впечатление, отец мне доставил такое удовольствие. Теперь после войны мы побыли немножко в Москве, пока пересаживались с поезда на поезд, и потом проехали через весь юг до Симферополя. Интересно было смотреть станции, разбитые города. Орел, например, вдребезги был разбит совершенно. Видно с дороги даже было. Страшно было смотреть. До тех пор — это было уже начало сентября — стояли еще на некоторых станциях (в Понырях, например) следы Курской битвы. Свозили танки битые — немецкие и наши — на переплавку. Не успевали отправлять. Можно представить, сколько их там побили. Вот все это мы видели по дороге. Потом переехали через Сиваш, оказались в Симферополе.

Вы можете представить себе контраст сурового Урала и Симферополя. Это была сказка совершеннейшая. Такое количество фруктов, которых мы только название знали. Довоенные воспоминания в этом смысле были маленькие, а тут, пожалуйста, всякие сорта яблок... Я там такие получил знания! Дело в том, что в хозяйствах местного населения, в значительной степени вывезенного, татарского, было огромное количество фруктовых деревьев. Они все выродились сейчас. Таких яблок, которые были тогда в Крыму, сейчас уже нет. То есть название у них вроде бы то же самое, а вкус у них совершенно другой. А тогда

это был сказочный...

Т.Г.: Может быть, это был вкус детства?

Э.Ф.: Вы думаете, что это изменение вкуса? Нет. Это объективно так. Это были другие сорта. Они все погибли. Дело в том, что хозяева-то уехали, а новые приехали откуда-нибудь с севера, с Смоленской области. Они не знали, что это такое, как с этим...

Одни названия чего стоили. Я запоминал примерно так же, как я запоминал раньше названия городов, освобожденных Красной армией. Потому что они очень красиво звучали: «Франс мадам» груша, или, допустим, «Клапс фаворит», или груша «Дуине», или яблоко «Кандиль», или «Орлеанский ранет», «Шампанский ранет». Сказка! Это же было действительно вкусно. Запомнились татарские названия, названия сортов винограда. Потрясающе совершенно.

Я никогда не видел, чтобы сливы росли прямо во дворе дома, в котором мы жили. Пожалуйста, растет тебе слива, абрикосы растут. Причем — фантастика! — вывозить тогда это не могли, поэтому все это было очень доступно. Абрикосы продавались «на съем». Мы ходили к соседям, у них было много абрикосовых деревьев. Хозяйка по указаниям говорила: «Вот эту абрикосину, вот эту абрикосину». И стоило это три рубля килограмм. Тогда те три рубля была мелочь совершенная, даже ни с чем не сравнишь. И мы вот этими абрикосами питались. Сначала мы съедали мякоть, а потом еще и косточки... Пока не дождались поноса, потому что это слабительное (*смеется*).

Голодненькие были очень. И вот факт: наше голодание, я до сих пор себе не могу этого простить... Отец был майором, даже подполковником, вернулся он еще майором. Он выглядел великолепно. Он же не в окопах сидел, он был военный юрист, откормленный такой. Он за первую зиму с нами потерял двадцать килограммов веса. Я потом только понял, что он весь свой паек отдавал нам.

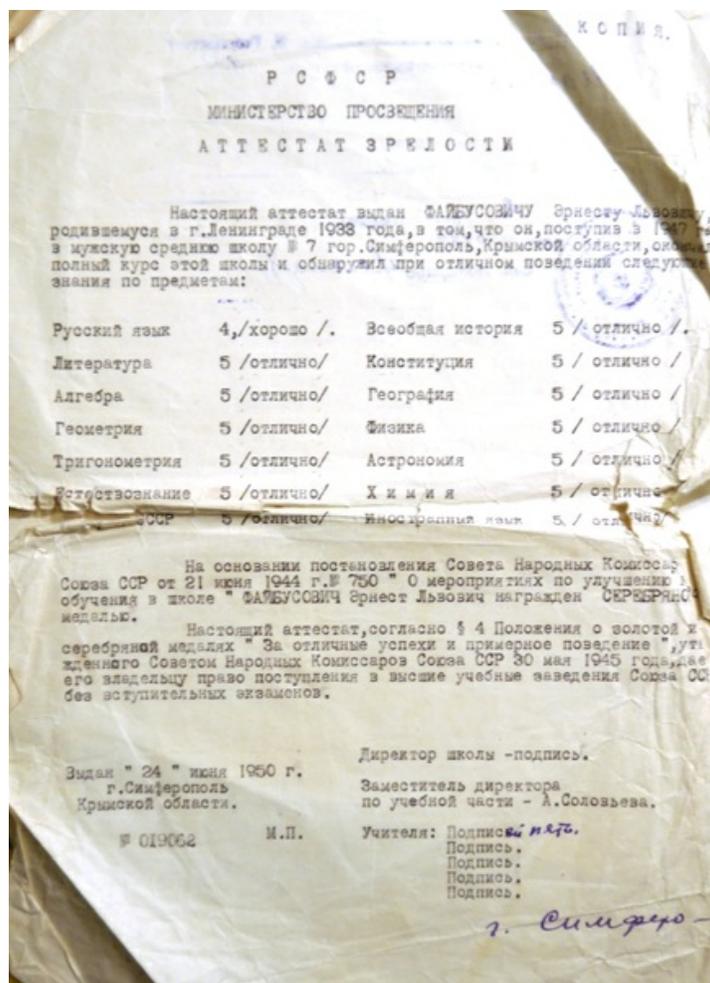
Т.Г.: Недоедал. Но это же нормальный поступок мужчины.

Э.Ф.: Ладно, сестренка моя была маленькой, ей было семь лет, но мне-то было уже двенадцать лет, я должен был бы это понимать.

Т.Г.: Ой, я не знаю. Наверное, они вас оградили от этого понимания каким-то образом.

Э.Ф.: Не знаю. У отца фурункулез был страшный, в больницу попал. Потом-то стало получше, а вот сперва, пока мы не отъелись, такие были времена. В общем, Симферополь с точки зрения рынка произвел колоссальное впечатление, с этим обилием фруктов, плодов необычайно вкусного качества.

Пошел я в школу там в шестой класс и закончил ее спустя пять лет — десятый класс 7-й школы города Симферополя. Школа была мужская. Закончил я школу с серебряной медалью.

Копия аттестата Э.Л. Файбусовича

Т.Г.: Из-за четверки по чистописанию?

Э.Ф.: Нет, по русскому языку. Там у меня был шанс не получить медали вообще. В седьмом классе мы проходили такой предмет — Конституция СССР. Я готовился очень серьезно, у меня же отец-юрист. Я взял книжку «Государство и право». Все блестяще, я считаю, выучил наизусть. Память-то у меня хорошая. Мне достается билет о роли товарища Сталина. Я очень хорошо знал роль товарища Сталина и все рассказал. Какой он был Верховный главнокомандующий. Все, но без должного пафоса. Понимаете, у меня воспитание-то марксистское от папы. Оно было против культа любой личности. То есть деятельность Сталина я рассказывал, десять сталинских ударов, все перечислял, но надо было, оказывается, говорить: «дорогой товарищ Сталин». Вот этого я не говорил, это не имеет отношения к науке. Для меня было нормой, что говорят о действительно великих достижениях замечательного полководца. Все об этом рассказал. Оказывается, мне поставили четверку не за знания, а за отсутствие пафоса. Но тем не менее мне потом дали возможность пересдать. Уже на пятерку, спустя два года.

Поступление в вуз

Т.Г.: Тогда вы с пафосом докладывали?

Э.Ф.: Тогда мне достался другой билет (*смеются*). Вот такое было, понимаете. Я не был антисталинистом,

а все равно пострадал. Потому что я объективно только рассказывал все, что было. И все прекрасно знал, кстати. Но так же, как в случае с «Верховным главнокомандующим» получилось.

Закончил эту школу. У нас было три серебряных медали. И вот интересно. У нас было двадцать два на выпуске мальчика, только один не поступил в вуз. Без всяких репетиторов, все прекрасно сдали экзамены. Причем в самом Симферополе остались те, у кого не было материальных возможностей. В Ростове, в Днепропетровске, в Харькове, в Москве. В ведущие даже вузы, в Ленинграде. Это при всяких ограничениях. Но я кое-где уже писал об этом. Говорят, что меня в университет не приняли на геофак.

Т.Г.: Почему?

Э.Ф.: У меня есть документ — «за отсутствием вакансии».

Министерство Связи СССР
ТЕЛЕГРАММА

17/2 ПРИЕМ 19 15 м.
Бланк № 1
Принят

ПЕРЕДАЧА
го ч. м.
№ связи
Передал

Адрес: Симферополь
Красная Горка
Красная 6

Из Ленинград
№ 164/103 18 17 1840

Служ. отметки

Рабубеевичу

Приниме географический факультет
отказано откутствие вакансией
Высшая ии документе
Секретарь Журналь 380

Типография «Комм»

Телеграмма об отказе в приеме на географический факультет Ленинградского университета

Т.Г.: А в реальности почему?

Э.Ф.: Я могу показать: «За отсутствием вакансии». Возникал смысл такой, что медалисты же должны быть приняты вне конкурса. Значит, за отсутствием вакансии для медалистов. Я написал: «Хорошо. Вы не можете принять меня как медалиста, примите меня как обычного абитуриента, давайте сдавать экзамены...»

Т.Г.: Обычного, на общих условиях.

Э.Ф.: Мне ответили: «Не имеем права».

Т.Г.: Потому что медалист.

Э.Ф.: Потому что медалист. Я потом сделал попытку обратиться к Станиславу Викентьевичу Калеснику — декану геофака. Вот сегодня как раз проходит заседание, посвященное его памяти. Разумовский меня приглашал, но я знал, что вы придете. Я сказал, что я не пойду. Но кроме того у меня с тех пор появилось такое недоверие к нему. Я вообще хорошо его знал, я общался с ним.

Т.Г.: А что он вам ответил?

Э.Ф.: Ничего не ответил. Сказал: «Ничего сделать не могу». Не мог действительно сделать. После погрома, после Ленинградского дела они все всего боялись.

Позже я сочинил стихи: На геофаке не нашлось места / Для медалиста Файбусовича Эрнеста.

Т.Г.: Да. Но вы можете сделать акцент на причине? Причина была в национальности?

Э.Ф.: Национальность, конечно.

Т.Г.: То есть это были действительно реальные вещи, которые происходили?

Э.Ф.: Понимаете, это почти ничего не меняло. Я же в Симферополе еще жил, попросил своих теток узнать, возьмут ли меня в Герценовский институт. Прислала тетка ответ, что в Герценовский вообще можно подать документы, но есть еще один вуз имени Покровского. Я понял, что в Герценовский не стоит соваться по тем же самым соображениям, и подал заявление, тетка у меня отвезла его туда, в институт Покровского. Это был замечательный институт. Он был областного значения, не как те два гранда, куда я стремился попасть. И там принимали кого хочешь. Когда я приехал, был опубликован список, и я его открывал. Потому что я был чуть ли не единственный медалист там у географов. Меня взяли. И я благословляю мир за то, что меня не в университет приняли. Университет был удивительно казенный, перепуганный чистками. Ведь сам ректор Вознесенский уничтожен был. Понимаете? Поэтому там было страшно учиться, на мой взгляд, теперь как я понимаю. Да, точно так же, как и бывшего герценовского ректора тоже репрессировали. А тут был прекрасный директор Егоров. Тогда еще директор называлось, не ректор.

Т.Г.: Репрессировали как? Просто уволили?

Э.Ф.: Сажали.

Т.Г.: Сажали. Да, вот именно. И посадили по обвинению в каких-то...

Э.Ф.: По делу Ленинградскому.

Т.Г.: А, по Ленинградскому делу. Все понятно.

О преподавателях

Э.Ф.: Сам же Вознесенский. А это его брат был. Я потом его сына видел. Он был преподаватель в нашем финансово-экономическом, Вознесенский. Да, так вот там меня взяли, и прекрасный был там состав преподавателей, выдающийся состав. Они нас научили тоже всему, что положено. Методику вел сам Анатолий Викторович Даринский, выдающийся методист. Историю географии и физическую географию читал наш с Леной Черниковой общий учитель Андрей Львович Биркенгоф. Он хотя и не стал доктором, но обладал колоссальными познаниями. Очень многому нас научил, мы были оба его аспирантами. Затем у нас был прекрасный преподаватель географии растений Игорь Владимирович Грушвицкий, совершенно блистательный лектор. Выдающийся почвовед Афанасий Иванович Марченко. Понимаете, нас всему учили, да. Очень хороший был курс картоведения, геодезия там по программе Николая Дмитриевича Никитина. Он представлялся таким образом: «У матери было три сына и все на «М»: Микола, Митрий и Микита».

Что было ценно в наших преподавателях: они очень хорошо нас учили на лекциях, но они еще были абсолютно доступны для контактов в любое время, разве только что не ночью.

Можно было сесть поговорить с Андреем Львовичем или с Анатолием Викторовичем хоть час. Если он считал, что беседа заслуживает этого, можно было час с ним сидеть. И когда, допустим, к Андрею Львовичу обращался кто-то из сотрудников и говорил: «Андрей Львович, у меня...» — «Вы же видите, я разговариваю со студентом». Понимаете? Я считаю, что половину того, чему я научился в вузе, я получил от личных контактов с преподавателями. И я сейчас с большим — нельзя сказать неудовольствием — гневом отношусь к тому, что наши вузовские преподаватели перешли на сочинение глупых бумажек, вместо того чтобы тратить время на контакты. Дети (для моего возраста — дети) с удовольствием идут на контакты. Для многих из них это не просто научные знания. Они же многие приехали, бросили дом, уехали от родителей, от отцов, от матерей. И если с ними общается взрослый человек, они ценят сам факт общения, даже не науку. А нас заставляют... Меня, к счастью, уже не заставляют, учитывая мой возраст, а остальных всех заставляют составлять нелепые, никому не нужные бюрократические бумаги.

Т.Г.: Я с вами полностью здесь согласна. К сожалению, от преподавателей это не зависит.

Э.Ф.: Я понимаю. У нас есть все-таки преподаватели, которые и в этой обстановке стараются работать с молодежью. Но возможности наши ограничены вот из-за этого. А моя альма-матер дала мне многое, это был замечательный вуз. Не говоря о том, что я женился на своей сокурснице. И потом, когда я овдовел, то я опять же женился «покровчанке». Но она не сокурсница, она на два года позже меня училась. Мы с 52-го года знакомы. И она в какой-то степени заменила мне утрату.

Институт наш слился с Герценовским, в нем я закончил аспирантуру. Так что я буквально, будучи неверующим человеком, благодарю бога за то, что он меня отправил в этот замечательный институт. И наши преподаватели туда перешли. Андрей Львович там не долго держался, а вот Анатолий Викторович долго был заведующим кафедрой методики. Вот он воспитал мою нынешнюю жену Елену Яковлевну. Она была его любимой ученицей, а потом его соавтором во многих учебниках. Она ему очень много помогала.

Т.Г.: Елена Яковлевна Чернихова, она тоже автор учебников, тоже географ, но по методике специалист.

Э.Ф.: Причем, когда последнее было издание нашего учебника, то он вторым после себя поставил ее фамилию. Сначала по алфавиту ставил, а потом поставил ее по роли, которую она сыграла. Он уже был пожилым человеком, ему было трудно, и всю эту работу делала она.

Так что, видите, это относительная такая была потеря. Я даже рад, что не учился в таком казенном заведении, как университет тех времен.

Т.Г.: Но все равно это обидно. Обиден сам факт. Вообще это несправедливо, что не принимали из-за совершенно не имеющего отношения к образованию или к каким-то достижениям факта.

Э.Ф.: Видите ли, я одно могу сказать. Это уже не для печати, что называется. Я думаю, что наша разведка знала все. Она правильно прогнозировала, что будет потом утечка мозгов. Как и произошло.

Т.Г.: Ну, понятно. Но это же не значит, что надо ломать судьбы людей.

Э.Ф.: Но никому судьбы не сломали. Пять лет спустя моя сестра поступала в политехнический институт. Она хотела на какой-то очень солидный факультет. Ей сказали: «Нет, на тот не пойдешь, пойдешь на топливную аппаратуру». Но все равно приняли ее, и она стала специалистом хорошим. Проработала всю свою жизнь в одном центральном институте топливной аппаратуры. Значит, это не было ломанием жизни. Ну, ей хотелось заниматься чем-то другим. И бог с ней, она очень хорошо работала по специальности. То есть это не было окончательное решение, это был просто сдвиг. Как казалось

в худшее, на самом деле не в худшее. Ни она ничего не потеряла, ни я ничего не потерял. Вот так. И я не знаю людей, которые не поступили. Куда-нибудь поступили, кто хотел, я знаю много таких людей.

Т.Г.: Нет, но есть же люди, у которых была какая-то мечта, которую они хотели реализовать.

Э.Ф.: Вот я ее реализовал.

Т.Г.: Я знаю людей, которых не взяли из-за национальности в Институт востоковедения в Москве. Разве это не сломанная судьба, если человек мечтал об этом, готовился?

Э.Ф.: Ну, если мечтал, тогда поехал бы в другой вуз. Нет, в общем это было не смертельно. Я, например,нисколько не жалею.

Дальше пошли студенческие годы. Симферополь дал мне знание Крыма. Мы выезжали постоянно в Евпаторию, Ялту, Саки, Алушту. Один раз — тогда закрытый город был — на праздник в Севастополь, тогда все еще разрушенный. То есть Крым я уже знал очень прилично еще в те времена и очень сожалел, что он вдруг стал зарубежным. Что, кстати, не мешало нашим гражданам ездить в Крым, пока с Украиной были нормальные отношения. И не имело никакого значения, украинский он или русский.

Т.Г.: Конечно.

Студенческие практики

Э.Ф.: В 50-м году я поступил в вуз, и нам очень много дали практики. Практики проводились в основном в Ленинградской области. Тут мы научились тоже очень многому. Вынужден похвастаться, недавно произошло такое событие: собираются праздновать очередной юбилей Ленинградской области. Там подсустились и лидеру законодательного собрания Ленинградской области предложили наградить географов, которые сделали что-то для Ленинградской области. Могу показать грамоту, мне среди многих моих коллег по кафедре вручили, подписанную Бебениным, замечательную грамоту. Я страшно удивился, я сказал при вручении на ученом совете: «Вы знаете, не столько я дал Ленинградской области, сколько она дала мне. Давайте я вам лучше напишу, что дала мне Ленинградская область». Очень много дала.

Ведь я раньше видел Ленинградскую область — только дачу. Дача и есть дача. А наши практики проходили в замечательных местах. Например, практику проходили в Сланцах. Сланцы сами по себе интересный объект. Добыча сланцев, переработка сланцев. Но кроме того, мы там составляли почвенную карту колхоза. У меня сохранилось до сих пор наше общее произведение студенческое. Одни девочки занимались анализом почвы. Мы копали, а они уже описывали разрезы. Мы прекрасно работали с Афанасием Ивановичем Марченко, выдающимся почвоведом. Мы копаем-копаем, потом он подойдет и говорит: «Вот у вас там будут такие-то, допустим, почвы, такого-то качества». Я говорю: «А зачем копали, если вы все равно и так видите по растительности?» — «Учитесь». Замечательный был человек такой. Вот мы научились почвоведению, рыть почвенные ямы, описывать почвенные разрезы.

Игорь Владимирович Грушвицкий водил нас на такие... как это называется, слово-то вылетело, забыл. Ладно, потом вспомню. В общем, на ландшафты такие растительные. Фитоценозы. И я помню, там очень своеобразные болота. Теоретически же в болотах кислая среда. А там нет, потому что там известняки близко выходят на поверхность, и кислотная среда отсутствует... И вдруг я смотрю, Игорь Владимирович бросается на колени. Что такое? А он кричит: «*Drosera rotundifolia*». А он еще картавил. Это знаете, что такое? Это росянка. Осторожным образом ее выкопал и принес показал, что есть такое замечательное растение. Вот влюбленность в свой предмет.

Я описал флору территории этого колхоза. Девочки, они старательные, они по определителю определяли, какое это растение. Я этого не умел делать, я не могу отличить пестик от тычинки (*смеется*). Зато я лучше всех знал латинские названия. Вот это я вижу, до сих пор это мое произведение — флора этого района, совхоза, колхоза.

На следующий год нас повезли, тогда это назывался Оятский район, сейчас это часть Лодейнопольского района Ленинградской области. Там мы были разбросаны по населенным пунктам, и в нашу задачу входило описание уже не столько природы, сколько хозяйства. Вот уж где мы научились в отрицательном плане. Это было страшно смотреть. Единственное, что там хорошо работало, это лесозаготовки, с этим все было в порядке. А вот сельское хозяйство уже тогда производило страшное впечатление. Это были первые месяцы «оттепели». Июнь 53-го года. И вот мы смотрим, скот в ужасном таком состоянии. Я спрашиваю, это входило в наши исследовательские цели: «А чем ваш скот питается?» Но тогда еще травостоя большого не было, самое начало июня. А колхозник говорит: «Канаброй».

Т.Г.: А что такое канабра?

Э.Ф.: Я говорю: «А что такое канабра?». Оказывается, это вереск. *Calluna vulgaris* — латинское название. Там большие заросли его. И мужичок говорит: «За зиму он мяконецкий становится, вот коровы это едят». Какое может быть молоко от коровы после этого?

” К тому же там же еще страшное количество слепней. Они кидаются на этих несчастных коров. Корова бежит в реку Оять, стоит, высунув только кончик носа, и боится есть даже ту немногую травку, которая есть.

Жутко, что делалось. В общем, страшно было. А мы еще обследовали отчеты колхозные, смотрели. Получается, средняя яйценоскость кур — двенадцать яиц в год. Вы понимаете, что это даже теоретически не может быть.

Т.Г.: Вообще уму не постижимо.

Э.Ф.: Уму не постижимо. Эта практика нам дала очень много. Мы поняли подлинное состояние сельского хозяйства нашего тогда. Раньше мы в основном все горожане были. То есть это дало очень многое. Но сами по себе места на Ояти чудесные, и вот эта Алёховщина, районный центр тогдашний. Потом мы там познакомились с вепсами. Мы как раз в сельской школе втроем, нас мальчиков троих отделили от девочек (*смеется*) на всякий случай, жили в отдельной деревне Яковщине.

Т.Г.: В отдельных деревнях?

Э.Ф.: Вот мы втроем отдельно от остальных девочек жили на всякий случай.

Т.Г.: А, просто в другом доме.

Э.Ф.: Нет, в другой деревне. Моя пассия была в самой Алёховщине, я бегал к ней все равно. За двадцать два километра.

Т.Г.: Это ваша первая жена?

Э.Ф.: Да-да. Но тогда еще не жена.

Т.Г.: За двадцать два километра бегали на свидание? Замечательно, Эрнест Львович.

Э.Ф.: Обрато, правда, ехал с почтовой машиной.

Т.Г.: Понятно.

Э.Ф.: А что такое для меня двадцать два километра было?

Т.Г.: Это сколько часов вы шли?

Э.Ф.: Ну, три с небольшим часа. Спокойно.

Т.Г.: Интересно, способны ли современные юноши бегать на свидания?

Э.Ф.: Вы знаете, у меня средняя скорость ходьбы была семь километров в час. Это точно.

Т.Г.: У меня тоже такая (*смеется*).

Э.Ф.: Да еще хороший свежий воздух, идешь, гуляешь. И комары не кусаются на дороге, а когда в лес, тогда тебя комары съедают. Вот так. Ходил в гости. Не так уж часто, но ходил. Когда мы уезжали, я сочинил такие частушки о состоянии сельского хозяйства района, в которых написал: Еще в той деревне три курицы жили, / Они по яичку раз в месяц носили. Вот в таком роде было написано. Нет, это точно по документам было составлено (*смеются*).

Т.Г.: Понятное дело.

Э.Ф.: Показал Анатолию Викторовичу, он сказал: «Знаете, хоть у нас сейчас полиберальнее стало, но лучше не надо».

Т.Г.: Лучше не надо рисковать.

Э.Ф.: Да, рискованная была тема. Так и осталось это творчество мое неизвестным... Ну, мои подружки-то знали, мы нигде не публиковали. Но это дало очень много. В дальнейшем я часто занимался уже изучением сельского хозяйства Псковской области в аспирантские годы. Все было подготовлено вот здесь, сделано этой прекрасной практикой.

Кроме того, у нас же были выездные практики еще. В частности, у нас была такая практика, нас вел геолог Бочковский. Мы ехали через Москву, потом мы приехали в Невинномысск. Потом из Невинномысска мы попали в Теберду через Черкесск. Потом мы были, как же это называется, город знаменитый такой, память стала подводить. Знаменитое место для туризма недалеко от Теберды.

Т.Г.: На Домбае?

Э.Ф.: Домбай, конечно. Я вспомнил «ай», а вот начало не помню... В Домбае мы много были, по окрестностям все ходили. После этого мы совершили пеший переход через Клухорский перевал. Замечательно прошли Клухорский перевал, вышли на южную сторону Кавказского хребта. Потом нас отвезли в Сухуми. После Сухуми по морю приплыли в Батуми. Из Батуми уже поехали домой в Ленинград. Прекрасная практика была, мы многое узнали. Своими ножками прошли очень много. Это тоже очень сильное впечатление произвело. Вот где мы тоже увидели массу интересного в этнографическом плане. Знакомились с другими народами, скажем, с грузинами. Ухажеры за нашими девочками. Потом в Абхазии посмотрели. Там разный народ с очень разным отношением друг с другом. Уже тогда нам стало ясно, что межнациональные отношения напряжённые. В частности, из очереди на наших глазах выгоняли армянку. Для грузин это как бы второй сорт.

Т.Г.: Но это да, они были... Откуда выгоняли?

Э.Ф.: В очереди, когда стояла за чем-то очередь. Мы тоже стояли, хотели что-то купить. На нас это произвело сильное впечатление. Мы были все-таки абсолютными интернационалистами. Вот это на нас произвело тяжелое впечатление.

Т.Г.: Да, у них всегда была конкуренция.

Э.Ф.: В общем практика была замечательно интересная. Мы пили всегда прекрасные вина там, «Хванчкару»...

Т.Г.: Эрнест Львович, вы пили вино?

Э.Ф.: Конечно, а что же? Я очень люблю хорошее вино. А тогда грузинские вина считались очень хорошими.

Т.Г.: Да, были хорошими.

Э.Ф.: И мы не имели возможности с чем-нибудь сравнить.

Т.Г.: Я просто знаю, что вы практически не пьете.

Э.Ф.: Нет, я очень любил всегда хорошее вино. Больше того, нас возили на экскурсию на винзавод. Великолепная была экскурсия. Девочки так деликатно чуть-чуть понюхивали. А мы с приятелем, нас двое было мужчин, очень даже основательно. Ну, хотелось продегустировать. После этого я залез в море купаться, смотрю — что-то волны не так ведут себя. Потом сообразил, что это я немножечко перебрал. Прекрасный винзавод в Сухуми посмотрели. Так что я очень люблю хорошее вино, просто я сейчас не имею права его пить, а я всегда хорошее вино любил. Я другие спиртные напитки не люблю. А вино — это благословенный дар. Очень даже хорошо.

О судьбах однокурсниц. Педагогическая практика

Замечательные были наши экскурсии. Все это оставило очень хорошее впечатление. Наши подружки, мои подружки получили хороший заряд на всю свою педагогическую деятельность. Я вообще горжусь тем, что подавляющее большинство моих однокурсниц, — у нас было всего четыре молодых человека, все остальные шестьдесят были девочки, — они в основном все...

Т.Г.: Состоялись в профессии.

Э.Ф.: Состоялись как преподаватели. Практически все.

Т.Г.: А кто вот с вами учился? Я просто к тому, что знаю ли якого-то.

Э.Ф.: Нет. Титулы они имели небольшие, они были именно школьными педагогами. Единственно, был у нас... Он пришел к нам на второй курс уже из Эстонии, Освальд Нильсон, совершенно великолепный мужик, красавец, такой, знаете, викинг. Он не просто из Эстонии, он с шведскими корнями, поэтому Нильсон Освальд. Это чудо было. Во-первых, он просто интересный как мужчина, а во-вторых, феноменальной работоспособности человек. Он ездил с нашими преподавателями в дальние экспедиции, вот с тем же Грушвицким ездил на Дальний Восток, там изучал всякий женьшень и прочее. Он потом уехал в Эстонию. Он досадовал только из-за того, что его национальность не позволяла ему жениться на русской женщине.

Т.Г.: А почему не позволяла?

Э.Ф.: Он мне говорил, что «эстонцев и так мало, а если у меня будет русская жена, — он очень любил одну из девочек, — то значит станет одним эстонцем меньше». Потом все-таки вернулся в Эстонию, на эстонке женился. Я потом у него бывал в гостях в Таллинне. Он стал там очень видным ученым. Он, правда, только кандидатскую диссертацию защитил, но он был директором института педагогики, важный такой титул.

Т.Г.: Seriously, да.

Э.Ф.: И очень серьезный автор учебников тамошних эстонских. В эстонской энциклопедии его фамилия фигурирует. Но, правда, когда Эстония отделилась, его с работы выгнали, потому что он был партийный.

Я до сих пор говорил о том, как нас готовили как географов, но нас готовили серьезно и как педагогов. В этом отношении очень много дала педагогическая практика. Руководство осуществлялось очень сильными преподавателями. В частности, мы проходили первую практику свою на третьем курсе в школе, расположенной около Смольного. Эта школа считалась по тем временам эталонным заведением. Таких было всего несколько в ведении министерства просвещения РСФСР, их было штук шесть на всю страну. В Москве, кажется, в Свердловске и вот эта 157-я школа. Там был выдающийся преподаватель географии Феодосий Титович Коцюбинский. У него мы очень многому научились уже как методисты, как школьные учителя. Практика дала нам очень много в этом отношении. На следующий год мы проходили практику уже в старших классах в школе на Выборгской стороне, и там был очень хороший учитель географии,

который тоже очень много дал нам как будущим учителям. Таким образом, педагогическая практика тоже была поставлена очень основательно и хорошо, и именно географию преподавать нас научили.

Другое дело, что нас несколько хуже учили общей педагогике. В общей педагогике было слишком много общих слов. Там потребовалась потом уже личная практика для того, чтобы освоить педагогические умения. А вот с точки зрения преподавания именно географии все мои подружки были очень хорошо подготовлены. Сейчас их многих уже нет в живых, в том числе и первой моей жены. Но я до сих пор перезваниваюсь — они уже не могут ходить сами — со своими подружками. Они все старше меня, им уже очень сильно за восемьдесят. Они до самого конца своей жизни работали как педагоги блестяще. Именно обычные рядовые педагоги. Вот Освальд Нильсон стал ученым, а остальные были прекрасные педагоги. Завучи школ, директора школ. Они настолько хорошо преподавали, настолько хорошо усваивали, чему учили наши учителя, что я, когда приехал в Ленинград в 82-м году и стал работать в Финансово-экономическом институте, веду занятие по географии... И вот мне начинают отвечать на мои вопросы на занятиях, скажем, точно по Даринскому. Я говорю: «Кто вас учил географии?» Называют мою однокурсницу. Вот это я понимаю, во школа! Значит, она сама все усвоила и студента, своего выпускника научила... Я узнал по стилистике, по всему узнал. Вот насколько сильная была подготовка. И потом несколько случаев еще было таких повторов, когда я узнавал, кто студента учил. Наши учителя, которые нас учили в пединституте. Например, одна моя подружка, она на три года меня старше, работала в Мурманске. Точнее говоря, не в Мурманске, а на Северном флоте, в Североморске. Она недавно мне похвасталась в телефонном разговоре, что среди ее воспитанников пять капитанов подводных лодок. Так я сказал: «Ты же мать-героиня». Представляете, пять! Это же не просто матросы, это капитаны атомных подводных лодок. Вот это я понимаю — школа. Я горжусь такими своими приятельницами.

Т.Г.: Может быть, вы назовете их фамилии?

Э.Ф.: У нее была девичья фамилия Сусанна Глебова. Потом она, возможно, меняла фамилию, но для меня она Сусанна Глебова. Она замуж вышла. Замечательная была, видимо, преподавательница. И кстати, комсомольский работник. Мы до сих пор с ней перезваниваемся. Ходить она уже далеко никуда не может, по телефону мы разговариваем... Я ее поздравляю со всеми праздниками: с Новым годом, с Восьмым марта, с днём рождения.

Я хотел обратить внимание еще на то, что большинство поступивших к нам были выходцами даже не из Ленинграда, а из областей нашей страны. Прекрасные кадры давали тогда педучилища. Выпускники педучилищ — это были лучшие наши студенты, потому что их еще лучше, чем нас, учили педагогике. Они все были почти отличниками. Потом тоже сделали хорошую педагогическую карьеру. Вот это наш вуз.

Распределение в Якутию

Дальше, как известно, полагалось распределение. Распределение. Я об этом уже написал. Отправлено это в Якутск, и есть надежда, что выйдет мое произведение под названием «Три года в Якутии»*.

* Вышло издание: С.И. Корнекова, Э.Л. Файбусович. Санкт-Петербург-Якутия: научно-образовательный вектор. СПб.:Изд-во СПбГЭУ, 2016. – 49 с.

Т.Г.: Но это отдельное мероприятие.

Э.Ф.: Еще неизвестно, будет ли оно напечатано.

Т.Г.: Да. Поэтому не страшно, если вы повторите.

Э.Ф.: Почему я оказался именно в Якутске. Я очень надеялся, что после окончания института меня возьмут в аспирантуру. Я очень любил своего учителя Андрея Львовича Биркенгофа. И я понимал, что надо взять от него максимум возможного, чтобы стать настоящим географом. Когда стало ясно, что в аспирантуру не будут брать сразу после окончания института, что надо сначала отработать три года, тогда я решил,

что выберу какое-то место поближе к Ленинграду, чтобы иметь возможность встречаться, контактировать со своим замечательным руководителем. Но у нас самые близкие места были в Карелии. Я решил, что попрошу послать меня в Карелию. Тут близко, можно доехать всегда, проведать. И ландшафты знакомые, близкие к Ленинградской области. Мне казалось, что это самое подходящее для меня место. Но было прислано три места в Якутию. Естественно, эти места никто не хотел занимать. Люди даже поехали в Бурятию, в Кемеровскую область, в самые разные такие не самые замечательные места. А вот в Якутию никто не хотел.

Т.Г.: Эрнест Львович, я позволю себе вас прервать. Мне кажется, надо объяснить, потому что и молодежь же будет слушать. Что такое распределение? То, чего сейчас нет, но это было долгие годы. Для чего оно было нужно?

Э.Ф.: Было нужно, и вообще говоря, совершенно правильно. Мы же жили на государственный счет. Мы платили очень небольшую сумму, по пятьдесят рублей в семестр за обучение. Нас учили на государственные деньги, государство считало необходимым оправдать расходы на наше обучение.

Т.Г.: Погодите, как вы платили по пятьдесят рублей за обучение?

Ф.Э.: За семестр.

Т.Г.: Вы платили пятьдесят рублей за семестр? Не получали стипендию, а платили?

Э.Ф.: Нет. Стипендию мы получали, само собой, — те, кто ее заслужил. Стипендия была такая: на первом курсе у нас было двести двадцать рублей в месяц, по-моему, и потом постепенно наращивались. У кого-то повышенные были стипендии, они еще давали надбавку. Это другое дело. Но пятьдесят рублей в семестр мы все равно платили.

Т.Г.: Я об этом не знала, честно говоря, я впервые это слышу.

Э.Ф.: Это было.

Т.Г.: Платно, это все платили, все студенты?

Э.Ф.: Нет, может быть, были какие-то исключения для инвалидов, для больных, для героев, я не знаю. Для нормальных студентов — мы платили.

Т.Г.: Надо же, я этого факта... И это какой был период?

Э.Ф.: Ну с 50-го по 54-й год.

Т.Г.: Я понимаю. А потом когда это прекратилось? Когда я училась, никто не платил.

Э.Ф.: Этого я уже не знаю. А мы платили. Государство считало, что мы по существу задаром получили образование, что мы должны отработать там, куда нас пошлет Родина. Родина, естественно, посылала туда, где испытывалась нехватка учителей, в том числе и в Якутия. В Якутии тогда даже и университета-то не было. Там пединститут был, но университета там не было. И поэтому было три вакантных места в Якутии.

Т.Г.: И нужно было отработать три года.

Э.Ф.: Три года по договору. Обязательно.

Т.Г.: Освобождались от распределения?..

Э.Ф.: Освобождались от распределения только девушки, которые вышли замуж, если у них муж тоже с высшим образованием.

Т.Г.: Да, и они могли поехать за мужем.

Э.Ф.: Да. А если со средним образованием, тогда предпочтение отдавалось ей, потому что она с высшим

образованием. Или жены военных. Военный же не может поехать куда попало. Он должен ехать в гарнизон.

Т.Г.: Да. Беременные тоже освобождались.

Э.Ф.: Не знаю.

Т.Г.: В наше время освобождались.

Э.Ф.: У нас не было беременных, поэтому ничего не могу сказать. А вот военные очень многие. Самые популярные у нас женихи — это «фрунзаки», это Военно-морское училище имени Фрунзе, и «дзержинцы», Военно-морское училище имени Дзержинского. Это были очень славные ребята. Одна из моих подружек — она 27-го года рождения, старше меня, — великолепный завуч школы. С этого поста она ушла, живет в старом Петергофе. У нее совершенно обаятельный, замечательный муж — Романов, Алексей Алексеевич Романов (скончался в марте сего года). Ну, лучшего мужа я не могу пожелать ни одной женщине. Он преданный ей совершенно. Он сам оглох уже, к сожалению, постарше меня. Это просто замечательная пара. Он был блестящим моряком, а она была великолепным завучем. Так что такие варианты были, вот этим людям разрешалось...

Т.Г.: А если кто-то вдруг не ехал, то какие санкции следовали?

Э.Ф.: Не могу вам сказать (*смеется*). Не знаю. У нас все поехали. Кроме тех, кто получили какие-то льготы, естественно. И вот так получилось, что наш Анатолий Викторович воспользовался моими личными секретами, которые, правда, знали все мои подружки. Рядом со мной проучилась все четыре года Валя Шишканова. Замечательная очень девушка, и мы с ней очень дружили. Она была очень чистым человеком и не понимала, что это не совсем дружба с моей стороны.

Т.Г.: Это к ней вы бегали за двадцать два километра?

Э.Ф.: Да. Стоило бегать. Поэтому она вообще плохо понимала, как это можно, сидеть с человеком рядом и обсуждать с ним дружеские вопросы, а потом вдруг оказывается, что это еще и муж. Она искала что-то такое другое уже в жизни.

Т.Г.: Принца.

Э.Ф.: Вот так. Поэтому она была страшно удивлена. Причем все девушки, ее подружки, прекрасно понимали, что она для меня значит, а она этого не понимала. И я, когда уже настало распределение, сказал: «Давай, Валя, если уж поедем, то куда-нибудь вместе». Она страшно поразилась, сказала: «Нет, посмотрим, что получится». Но это все было известно нашему Анатолию Викторовичу. Он кроме всего прочего был еще парторгом факультета. И в этом качестве он знал все о каждом студенте, в том числе и о наших отношениях. Поэтому он назначил три человека. Меня, Валентину Александровну Шишканову и еще одну ее подружку, они учились вместе в одной школе, еще на Голодае. Потом эту подружку сняли, потому что у нее оказалась мать больная, ее нельзя было бросить, и она осталась. Это Тамара Нечаева. А нам двоим сказали: «Езжайте». Когда я пошел подписывать документ на комиссию по распределению, я тем не менее все-таки сказал: «Хочу работать в Карелии. Я же не отказываюсь от распределения. Чем Карелия хуже Якутии? Я желаю в Карелию». — «Нет, партии и государству важно, чтобы вы поехали именно в Якутск». Ну, ничего не поделаешь.

Валентина Александровна тоже поехала в Якутск. Там пробыли год, правда, в разных местах. Я был в самом Якутске, работал в школе. А она работала в улусе, как теперь это называется, в Усть-Алданском районе, в школе. Но когда мы вернулись через год, просто в отпуск приехали в Ленинград, то я все-таки ее уговорил выйти за меня замуж, и еще два года в Якутске мы уже провели вместе мужем и женой. Потом уже много позже я сказал Анатолию Викторовичу: «Зачем же вы такие вещи делали? Использовали, так сказать, информацию для отправки в Якутск...» А он говорит: «Вы же спасибо мне должны сказать, что я вас сосватал» (*смеются*).

Т.Г.: А на самом-то деле у него какая цель была, чтобы в Якутию непременно?

Э.Ф.: Цель была, чтобы выполнили план...

Т.Г.: План по распределению.

Дорога до Якутска. 9-я средняя школа имени М.И. Кершенгольца

Э.Ф.: Ну, не совсем, но выполнили его так. Цель была его такая. Но вот он заодно и сосватал меня. Мы потом стали его тоже любимыми учениками, соавторами. Так что в конце концов это все оправдало себя. Вот так мы поехали в Якутск. Это уже было такое далекое путешествие! Москва, потом мы пилили до Тайшета, потом из Тайшета вагон отцепили, и поехали из Тайшета уже в Усть-Кут

Т.Г.: Вы поездом ехали до Тайшета же? А тогда же поезда ходили медленнее, чем сейчас, это сколько по времени заняло?

Э.Ф.: Конечно. Это долго, суток семь. Тем более еще пересадка была, то есть не пересадка, а переотцепление вагона тайшетского. Доехали до Тайшета. От Тайшета в Усть-Кут. Город называется Усть-Кут, а пристань называется Осетрово. Пароходика там не было в это время. Мы несколько дней прожили в этом Осетрово. С нами вместе был еще один наш выпускник с физмата. Мы втроем ехали из нашего вуза. И сели мы на корабль «Ленин», который шесть суток пилил по Лене. Мы проплыли всю Лену и видели красоты Лены, и знаменитые Столбы. Это было замечательное путешествие. Потом мы приехали в Якутск, и там произошло так, что нас обоих послали в Усть-Алданский район. Мы приехали оба туда на маленьком таком катерочке. Это называлось УМРек — управление малых рек, такая фирма была. И вот мы плыли по огромной, широкой, бескрайней Лене. Смотрели тоже красоты уже ниже по течению после Якутска. Приехали на пристань Соттинцы, потом на автомобиле грузовом доехали до районного центра. Пришли в районо, заврайоно сказал: «Есть у нас одна вакансия в средней школе, но у нас географии не хватает». Дело в том, что географию на русском языке вели только в классах, начиная с восьмого. «Поэтому, если хотите, можете еще взять восемнадцать часов нагрузки — астрономию (но астрономию мы проходили) и физкультуру». Валя была баскетболистка, такая спортивная девочка, она согласилась преподавать. И таким образом ей место закрепили. «Вас, молодой человек, я отправлю в сельскую школу». Я говорю: «Хорошо, а я что буду преподавать кроме географии?» — «Вот у вас будет восемь часов географии и двенадцать химии». Я говорю: «Нет, так дело не пойдет. Химию я преподавать не буду. Я в вузе ее не проходил, а то, что в школе, — это явно недостаточно. Я не имею права морального преподавать химию. Я не хочу халтурить». И заврайоно пошел навстречу и отправил меня в Якутск обратно. Я уговаривал Валентину поехать со мной, но она сказала: «Нет, я честно отбуду здесь столько, сколько положено».

Т.Г.: Сколько километров от Якутска?

Э.Ф.: Дело не в километрах, дело в том, что никаких дорог не было. Летом можно было плыть немножко хотя бы по Лене, а зимой только на грузовике ехать, как она потом и приезжала ко мне на каникулы, уже в марте все-таки. Получилось, что я ее там оставил и вернулся в Якутск. Но там мне повезло. Освободилась вакансия учителя-географа. Я был у министра, министр сказал: «Вы знаете, на вас потратили подъемные, и поэтому я обязан вас здесь трудоустроить». Я говорил: «А если я верну подъемные?» — «Нет, вы должны здесь отработать, сами ищите себе место, и я санкционирую ваше зачисление». И оказалось, что освободилось место в замечательной школе города, 9-й средней школе. Ее возглавлял выдающийся педагог, мне везло на очень хороших педагогов, Моисей Израилевич Кершенголец. Участник войны, минометчик. Он стал директором школы. Это был Макаренко, только без литературного таланта. Но по пониманию всего процесса школьного я не знал людей сильнее... Математик по природе он был, педагог по образованию. Вот он дал мне очень много. Он научил меня всему тому, чему не доучила педагогика в вузе. Прекрасный достался мне директор. Прекрасный достался завуч, тоже участник войны, инвалид войны. Я от них очень многому научился, и они очень сильно способствовали моему росту как педагога. Я очень им благодарен за это. Их уже обоих нет в живых, но перед смертью он прислал мне книжку «Евреи в Якутии». Интересная книжка, могу показать.

Т.Г.: Да, покажите. И как много евреев было в Якутии?

Э.Ф.: В Якутии было много евреев сосланных. Сам Моисей Израилевич Кершенгольц был из семьи сосланных еще до революции. И вот там он написал обо мне уже в 80-х годах, настолько он меня ценил.

Известно, что в царской России существовал закон о черте оседлости. Но в том случае, когда были преступления, — все равно, политические или религиозные, или это были уголовные преступления, — все равно людей в ссылку, на каторгу отправляли за черту оседлости. В Якутии было много евреев, сосланных с Украины, главным образом, из Белоруссии. И были сосланы, как это ни странно, почему-то по обвинению в конокрадстве.

Г.Т.: Конокрадстве?

Э.Ф.: Да, как это ни странно. Но потом стало ясно...

Т.Г.: Их не спутали с цыганами?

Э.Ф.: В том-то и дело, воровали цыгане, а торговали евреи. И вот их ссылали туда.

Т.Г.: То есть по сути за дело?

Э.Ф.: Да. Нет, это было уголовное преступление, никто не считал ссылку ненормальным. Но ненормально было другое. Там ссыльные жили, у них были дети. Как только они достигали совершеннолетия, их отправляли обратно в пределы черты оседлости. Вот это уже было полное издевательство.

Т.Г.: Это вообще непонятно, да.

Э.Ф.: Это было понятно: не имеет права. Его же никто не высылал. По закону должен жить там. Но и тогда были коррупционеры, давали, наверное, соответствующую взятку, и люди оставались там. Таким образом многие евреи уже имели потомков, рожденных в Якутии. Вот к ним относился и Моисей Израилевич Кершенгольц. Потом он получил образование высшее, стал учителем. Потом он прошел всю войну, вернулся обратно и стал директором вот этой 9-й школы. Это была настолько яркая замечательная личность, что, когда он скончался, школе присвоили его имя. Это редкий случай, теперь я горжусь, что я работал в этой школе Кершенгольца.

Что я могу сказать и подчеркнуть. Школа была абсолютно интернациональная. Там и школьники были практически всех национальностей, и преподаватели. Скажем, Моисей Израилевич был директором. А завучем был Емельян Степанович Таркин, он был мордвин-мокш. Раскулачили его родителей при советской власти и сослали в Якутию, и он там уже родился. В Великой отечественной войне участвовал, недолго, правда, ему оторвало руку в танке на Курской дуге. Он потом получил высшее образование и стал прекрасным завучем, преподавателем истории. Потом были учителя белоруски, украинки, татарки, якуты — кто хочешь. Кто хочешь, все были.

Т.Г.: Они тоже по распределению туда попали?

Э.Ф.: Многие местные были, многие — по распределению. Как ни странно, было очень много литовцев.

Т.Г.: Это, наверное, сосланные.

Э.Ф.: Литовцев сослали в 41-м году перед войной. Они там имели все права, кроме одного — права выехать за пределы Якутии. А так, пожалуйста, они получали среднее и высшее образование, работали в школе преподавателями. Я помню, у нас была одна литовка, преподавательница, ее звали Ангелея Прановна. Так по-русски, а у литовцев нет отчества вообще. А преподаватель-якут, тоже участник войны, Костя Корякин, он говорил: «А, Англия — Франция» (*смеются*). И вот представьте себе, это был дружный коллектив, интернациональный коллектив. Вы можете представить, сколько тех же высланных из Литвы евреев. Я говорил: «Так вас же, наоборот, спасли».

Т.Г.: По сути, да.

Э.Ф.: Если бы вы остались в Литве, вас вообще прикончили бы. Завхоз в школе был Кац (по-литовски Кацас). По существу, их спасли. Очень было много немцев высланных, очень много финнов из-под Ленинграда.

Т.Г.: Немцев, высланных откуда? Не из Поволжья, нет?

Э.Ф.: Из разных мест. Нет, из Поволжья там не были. Там были немцы, которые вокруг Ленинграда жили. Там одна была такая Штоц. Мама ее была уборщица, а она у меня училась. Валя Штоц. И так же вот школьники. Школа была с русским языком обучения, но там и якутов было очень много. Причем, интересный факт: по русскому языку лучше всех успевали якуты, а не русские. Русские не учили правила, они считали: мы и так язык знаем. И делали бесконечное количество ошибок. А якутские детишки учили как раз язык, они прекрасно писали сочинения. Другое дело, что они еще говорили тогда очень плохо. У них же звуки не такие, как у нас, акцент чувствовался, а писали замечательно.

Т.Г.: А якутский язык они изучали в школах?

Э.Ф.: В якутских школах да, а в русской школе нет, конечно. А кто же их будет учить, зачем?

Т.Г.: То есть классов не было специально для них?

Э.Ф.: Нет-нет, зачем. Там были прекрасные школы отдельно якутские. Там шло обучение на якутском языке, а большинство родителей старались учить детей в русских все-таки школах, потому они что давали гораздо больший кругозор, открывали перспективы.

Т.Г.: Для карьеры, их карьерного роста.

Э.Ф.: Для будущей карьеры. В частности, замечательный был географ, он скончался, Григорий Николаевич Максимов. Вы, наверное, его даже знаете. Соавтор Марка Михайловича Голубчика, кстати говоря. Высокого уровня был географ. Он писал прекрасно по-русски, а говорил с явным акцентом. Еще не мог переучить. Современные якуты уже прекрасно говорят по-русски без акцента.

Э.Ф.: У Моисея Израилевича в школе работала его жена, тоже еврейка, преподавательница химии. У них было двое сыновей. Один из них сейчас один из лидеров в Академии наук, вот так. Образование он получил в Москве, кажется. Потом он вернулся обратно, и вот он в Академии наук не то ученый секретарь, не то что-то. Другой какой-то видный профсоюзный деятель оказался. А я их помню еще школьниками. Я их не учил, правда, в других классах они учились, но знал этих ребятшек. Так что многие там остались работать. Кстати, интересно, я же приезжал потом в Якутск. И в мою честь даже те школьники, которые со мной учились, мне устроили такой прием. Это было в 88-м, по-моему, году. И подарили... Вы видели, над изголовьем Елены Яковлевны вот эти орешки висят. Это вот подарок моих учеников спустя столько лет после окончания, после тридцати лет. Они уже бабушками, дедушками стали. Так вот любопытно.

Там были, я говорю, представители всех народов, а межнациональной розни не было. Я понимаю, что эти литовцы, алтайцы советскую власть ненавидели. Но одно дело ненавидеть власть, а другое дело жить и работать вместе с коллегами. Тут совершенно не было, это я клянусь, совершенно не было никаких национальных конфликтов. Всё относилось к верхам: все несправедливости, все репрессии. Поэтому все дети учились тоже очень дружно. Вот у меня были и буряты, и якуты, и русские, и немцы, и финны. Я их фамилии до сих пор все помню. Я потом многих встречал у нас в Ленинграде. Они после 57-го года уже получили право вернуться, и вернулись в Колтуши — такие места, где были финские поселения. Вернулись финны, вернулись девочки-немки, вернулись сюда уже взрослые теперь люди, им разрешили вернуться. Некоторые остались там. Они уже там обзавелись семьями. Был у меня такой Ахокас Тойво. Он говорит: «А зачем я поеду? Когда меня стали отпускать, у меня уже была семья, я уже привык, а что меня там ждет? Ничего». Так и остался.

Т.Г.: Эрнест Львович, знаете, когда я училась, тоже были многонациональные классы. Но мы как-то тогда просто не задумывались, кто какой национальности, и даже не знали часто. Даже подумаешь, фамилия

другая...

Э.Ф.: Ну, якута всегда можно отличить.

Т.Г.: Понятно. Нет, просто у нас вопрос не вставал, кто там немец, кто еврей, кто эстонец. А в Сибири я училась, там было тоже всего намешано. Просто даже никто никогда не задавал такого вопроса: «Кто это?»

Э.Ф.: Вот такая была у нас подлинная национальная дружба. Прошли эти три года, которые меня многому научили в педагогике. Но самой Якутии я в то время почти не видел. Я был только в Якутске, путешествовал по Лене. Больше не было времени, потому что летом в первый год мы уезжали к себе в отпуск. Очень сложно. До Алдана летели самолетом, потом по АЯМу — Алдано-Якутская магистраль* — ехали на автобусе до Большого Невера. И дальше поездом. И обратно так же уже с женой ехали, до Большого Невера, точно таким же порядком обратно. Вот так я юг Якутии только и видел из окна автобуса.

* АЯМ – Амуро-Якутская железнодорожная магистраль.

К сожалению, в самой Якутии я заниматься географией Якутии не мог. Я тогда повышал свой уровень другим образом. Читал очень много книг, там прекрасная библиотека была. Причем многих авторов не переиздавали по разным причинам, а там сохранились старые издания. Там мало кто читал, там они все сохранились. Там я познакомился с Хемингуэем, со всем. Все старые книжки, довоенные еще, я читал. В Якутске у меня родился сын. В 56-м году как раз он родился. И у него (*говорит на якутский манер*) «сибидетельстибэ» (*смеется*), там и русский есть текст и якутский текст. В «сибидетельстибэ» о рождении.

Т.Г.: Погодите, а вы момент про свадьбу упустили, Эрнест Львович.

Э.Ф.: У меня свадьбы не было вообще. В принципе не было. Дело в том, что я уговорил Валентину... Я даже студентам это рассказывал. Я провожу экскурсию по городу, и вот мы дошли до дворца*, где два сторожевых льва стоят. Знаете, этот дом монферрановский, они рядом стоят, как живые, два льва.

* Дом Лобанова-Ростовского (в обиходе дом со львами) расположен рядом с Исаакиевским собором по адресу Адмиралтейский проспект, д.12, Вознесенский проспект, д.1 или Исаакиевская площадь, д.2.

Автор фото Е.В. Плюхин. Дом Лобанова-Ростовского. «Два льва сторожевые...». Ленинград, 1980-е гг. Источник фото: www.pastvu.com

Дом Лобанова-Ростовского с видом на Исаакиевский собор. Ленинград, 1970-е – 1980-е гг. Источник фото: www.pastvu.com

Т.Г.: Вы в Санкт-Петербурге?

Э.Ф.: Да-да. Рядом с Исаакиевским собором. Так вот я очень долго уговаривал Валентину Александровну выйти за меня замуж. И вот, в конце концов как-то мы гуляли с ней, в отпуске как раз, пошел дождь, и мы спрятались в подъезде около этих львов, где Евгений из Медного всадника. И там я ее наконец уломал. Так вот из всей экскурсии, я рассказал этот сюжет, они запомнили именно это. Все остальное они позабыли, а это запомнили. Вот, обратно мы уже поехали мужем и женой.

Э.Ф.: Наш договорный срок закончился. Мы расстались с Якутском. Нужно сказать, что тогда Якутск давал много привилегий. Во-первых, двадцатипроцентную надбавку к зарплате. Это было довольно существенно. Во-вторых, нам обещали, что год стажа будет за два.

Т.Г.: Как север.

Э.Ф.: К сожалению, в дальнейшем правительство отменило это. То есть украли у нас по три года стажа. Причем это, я считаю, абсолютное нарушение любых прав человека, потому, что...

Т.Г.: Конечно, задним числом.

Э.Ф.: Задним числом. Я же не мог сказать: «Нет, я не поеду». У нас остались, несмотря на страшные холода (было около сорока градусов и больше в Якутске), самые теплые впечатления о людях Якутска, о работе, которую там мы провели, и чему научились там. Зла мы на Якутск не держим и, наоборот, поддерживаем до сих пор очень теплые отношения с якутами. Якутами не только по национальности, а жителями этого региона. Вот недавно защищал как раз из Якутии. Именно он собирался печатать мои воспоминания. Значит, обратный путь мы уже совершали втроем, летели самолетом до Иркутска, потом в Иркутске

делали пересадку, летели до Москвы и уже поездом добирались до Ленинграда. Когда я явился к себе в институт, вернулся, то меня принял ректор. Директор (тогда Егоров) сказал: «Вот вы выполнили нашу просьбу поработать в Якутске, вы хорошо это сделали, и теперь мы вас экзаменуем, принимаем в аспирантуру». То есть все помнил обо мне. Об аспирантских годах уже завтра.

Текст авторизован Э.Л. Файбусовичем.